

T

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Направления рукописи

Земское Виктор Николаевич

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ В СССР
1930-1960

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени доктора
исторических наук

Москва - 2005

Работа выполнена в Центре военной истории России Института российской истории Российской академии наук

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук
Жиромская Валентина Борисовна

доктор исторических наук, профессор
Хаустов Владимир Николаевич

доктор исторических наук
Хлевнюк Олег Витальевич

Ведущая организация: Академия государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Защита состоится « 19 » сентября 2005 г. в 11
часов на заседании Диссертационного совета Д.002.018.02 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Инсти-
туте российской истории Российской академии наук по адресу:
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ин-
ститута российской истории Российской академии наук

Автореферат разослан « 15 » марта 2005 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук

 Т.М. Смирнова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. 30-е - начало 50-х гг. XX века отмечены в истории нашей страны как период широко практиковавшихся насильственных выселений больших масс людей и даже целых народов. Речь идет о жертвах депортаций, т.е. таких переселений, при проведении которых преобладали мотивы карательного характера и которые осуществлялись органами ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ. В диссертации исследуются социальные, демографические и иные последствия только таких переселений. Все же иные переселения, к которым применимы названия «эвакуация», «реэвакуация», «репатриация» и др. (хотя и в них присутствовали элементы насилия), выходят за рамки понятия «депортация» и поэтому не рассматриваются в настоящей работе.

Подавляющее большинство людей, подвергавшихся депортациям, направлялось на спецпоселение. Меньшая часть депортированных становилась ссыльнопоселенцами, ссыльными, высланными и административно высланными. Самый жесткий режим и надзор применялись к ссыльнопоселенцам, на основную массу которых были навешаны ярлыки типа «шпионы», «вредители», «диверсанты», «троцкисты» и т.д. (с поражением в гражданских правах). Спецпоселенцы формально сохраняли статус полноправных граждан СССР, но без права покинуть установленное государством место жительства. Нет необходимости вдаваться в объяснения по поводу различий в положении указанных категорий депортированных, так как в политическом и социально-демографическом плане их объединяло одно общее, а именно: все эти люди были насильственно выселены, находились в местах высылки под надзором и не могли их покинуть.

Идея спецпоселенчества была впервые сформулирована в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) о выселении раскулачиваемых от 30 января 1930 г. В той части постановления, где речь шла о высылке кулаков в Северный край, Сибирь, Урал и Казахстан, имелось добавление: «Высылаемые кулаки подлежат расселению в этих районах небольшими поселками, которые управляются назначаемыми комендантами». И здесь же отмечалось: «Районами высылки должны быть необжитые и мало обжитые местности с использованием высылаемых на сельскохозяйственных работах или промыслах (лес, рыба и пр.)»¹.

¹ Спецпереселенцы - жертвы «сплошной коллективизации»: Из документов «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б). 1930-1932 гг. / Сост. Г.М. Адиев // Исторический архив. 1994. № 4. С. 149.

Термин «спецпереселенцы», трансформировавшийся в конце 1940-х гг. в «спецпоселенцы», обязан своим появлением «творчеству» комиссий В.В. Шмидта и В.Н. Толмачева. В апреле 1930 г. была создана Всесоюзная комиссия «по устройству выселяемых кулаков» во главе с зам. председателя СНК СССР В.В. Шмидтом, а на российском республиканском уровне аналогичную по функциям комиссию возглавлял зам. наркома внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачев. В первых протоколах этих комиссий сначала употреблялся термин «выселяемые кулаки», потом - «переселяемые кулаки», затем - «кулаки-переселенцы», и, наконец, в протоколе № 5 заседания комиссии Толмачева от 9 июня 1930 г. впервые появилось обозначение «спецпереселенцы»². По-видимому, оно «наверху» всем понравилось, поскольку сразу же прочно вошло в тогдашний специфический лексикон.

Актуальность темы определяется не только потребностями исторической науки. Научное исследование проблемы спецпоселенчества необходимо также и для решения ряда вопросов сегодняшней жизни, так как депортации 30-х - начала 50-х гг. XX века с их социально-демографическими последствиями породили и оставили в наследство нынешнему поколению россиян немалое число острых и болезненных проблем.

Безусловно, и в обозримом будущем эта тема сохранит свою актуальность, и новые поколения историков будут находить в ней новые сюжеты, аспекты и нюансы.

Хронологические рамки. Начальные хронологические рамки настоящего исследования (1930 г.) объясняются тем, что именно в этом году началось массовое выселение раскулаченных крестьян в отдаленные районы страны, что и породило особый слой в обществе - спецпереселенцев (трудпоселенцев, спецпоселенцев). В течение 30-х - 50-х гг. XX века в этом статусе побывали миллионы людей, в том числе и целые народы. Северные и восточные районы СССР были покрыты сетью спецпоселков, где проживали депортированные. По виду спецпоселки практически ничем не отличались от обычных сельских населенных пунктов, однако их жители имели значительно меньшую свободу передвижения, чем свободные граждане, и находились под надзором органов НКВД-МВД.

¹ Зеленин И.Е. Рецензия на сборники документов «Спецпереселенцы в Западной Сибири» // Отечество, история. 1996. № 5. С. 197; Красильников С.А. Серп и Молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 23-24.

Завершается работа 1960 годом, когда на спецпоселении оставалось лишь немногим более 10 тыс. человек и спецпоселенчество перестало играть какую-либо заметную роль в жизни советского общества.

Таким образом, отличительной особенностью настоящего исследования является попытка освещения спецпоселенчества за всю более чем 30-летнюю историю существования этой системы — от ее зарождения до фактического упразднения.

Территориальные рамки. Спецпоселенческая система охватывала большую часть территории СССР. Это - европейский север России, Карелия, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан, республики Средней Азии, Северный Кавказ, а также отдельные районы Украины и центра и северо-запада европейской части РСФСР. Однако, поскольку спецпоселенчество являлось следствием массовых депортаций, которых не избежал ни один регион СССР (в частности, при раскулачивании в 1930-1933 гг.), то автор не ограничивался указанными территориальными рамками и оперировал соответствующими материалами по всем без исключения регионам Советского Союза.

Предмет и объект исследования. Предметом изучения является история спецпоселенцев - особого слоя, существовавшего в советском обществе в 30-50-х гг. XX века. Объект исследования - все категории депортированных, направленных в указанный период на спецпоселение (раскулаченные крестьяне, «наказанные народы», религиозные сектанты и многие другие).

Научная разработанность темы. К концу 80-х гг. XX в. различным аспектам истории советского общества была посвящена обширнейшая литература. И, несмотря на это, в его истории оставались «белые пятна». Одним из таких вопиющих «белых пятен» являлась история жизни и деятельности в 1930-е - 1950-е годы миллионов людей, насильственно депортированных из родных мест, как правило, в отдаленные и малообжитые (или вообще необжитые) районы страны с ограничением гражданских права и имевших нелицеприятный статус «трудпоселенцев», «спецпереселенцев», «спецпоселенцев» (эти три термина являются синонимами), «ссылнопоселенцев», «ссылных», «высланных» и т.п.

До конца 1980-х гг. в СССР эта проблема входила в «закрытую зону» для исторического исследования. Это было пренебрежением к исторической правде. К тому же историки были поставлены в безвыходное положение из-за отсутствия источниковой базы: соответствующие документы, в том числе и статистического характера, были, образно говоря, скрыты «за семью печатями».

Так что о существовании в СССР в период 1930-х—1980-х гг. историографии этой проблемы говорить можно только с огромными натяжками, поскольку таковой практически не было. Историки были лишены источниковой базы, так как вся соответствующая документация была строго засекречена. Не допускалась публикация никаких материалов, в которых бы упоминались депортации населения или спецпоселенцы. Поэтому не выходило не только научных исследований, но и мемуарной и художественной литературы по данной тематике. Даже простое употребление таких терминов, как «выселение народов», «спецпоселенцы», «спецпоселенческая система» и т.п., было категорически запрещено в открытой печати. Трудно найти какую-то другую тему, на исследование которой было бы наложено табу в столь тотальной форме.

Казалось бы, что после XX съезда КПСС (1956 г.), на котором Н.С. Хрущев в своем знаменитом докладе среди прочих преступлений И.В. Сталина упомянул и выселение отдельных народов, засветилась надежда прорвать эту глухую стену молчания. Однако вскоре стало ясно, что проблема депортаций и спецпоселенчества по-прежнему закрыта для исторического исследования и все прежде наложенные табу в общем-то остались в силе.

Несмотря на прочность закрытия этой проблемы для историков в СССР, на практике в этой «бронне» выявились отдельные слабые места, которые в той или иной степени удалось пробить советской исторической науке. Это касалось освещения ряда аспектов истории спецпоселенческой системы в виде «кулацкой ссылки» в 1930-е годы. Под прикрытием исследования проблемы коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса ряд историков (прежде всего А.А. Голубев, Н.А. Ивницкий, В.А. Сидоров, А.П. Финаров, В.Т. Шуклецов) в своих трудах, опубликованных в 1960-х - 70-х гг., сделал небезуспешные попытки проследить дальнейшую судьбу кулаков в местах высылки и в общих чертах обрисовал «кулацкую ссылку», по крайней мере, в период первой половины 1930-х гг.³ Разумеется, эти авторы не употребляли «запрещенную терминологию» (и избегали «запрещенную» интерпретацию фактов), но им удалось

³ Финаров А.П. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и о судьбе бывших кулаков в СССР. М., 1961; Шуклецов В.Т. Из истории экспроприации и трудового перевоспитания кулачества в Сибирском крае // Из истории партийных и советских организаций Сибири. Новосибирск, 1962; Сидоров В.А. Мероприятия по трудовому перевоспитанию бывших кулаков // Вопр. истории, 1964. № 11; Голубев А.А. О дифференцированном классовом подходе в процессе экспроприации кулачества и судьбе бывших кулаков: По материалам Ленинградской обл. // Вестник ЛГУ. 1972. № 8. История. Язык. Литература. Вып. 2; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. 1929-1932 гг. М., 1972.

пробить бреши в «запретной теме» посредством освещения, хотя бы отчасти, истории спецпоселенчества, опираясь в основном на собранные буквально по крупицам факты из очень узкого круга доступных тогда документов, выявленных в центральных и областных архивах. Однако отсутствие массовой источниковой базы в виде совершенно секретных документов ВКП(б), ОГПУ-НКВД и др. давало о себе знать и о всестороннем освещении истории той же «кулацкой ссылки» говорить еще было рано. Но даже такое ограниченное освещение спецпоселенческой системы в виде «кулацкой ссылки» с насыщенностью идеологически выдержанных (в глазах Идеологического отдела ЦК КПСС) формулировок и оценок типа «трудовое перевоспитание» и т.п. не всегда спасало авторов от неприятных последствий. В 1975 г. монография Н.А. Ивницкого была подвергнута разгромной критике на страницах журнала «Вопросы истории КПСС»⁴.

В законченном виде концепция советской историографии относительно экспроприации кулачества и создания для него системы специальных поселений, где оно «перевоспитывалось» в политическом и трудовом плане, выражена в опубликованной в 1972 г. статье А.А. Голубева. В ней говорится, что «во-первых, партия сделала все для того, чтобы ликвидация последнего в стране эксплуататорского класса проходила наиболее безболезненным путем» и «во-вторых, исторический опыт КПСС доказал принципиальную возможность политического перевоспитания значительной части бывших эксплуататоров»⁵. Для советской литературы был характерен тезис о том, что с «эксплуаторами»-кулаками обошлись значительно гуманней и безболезненней, чем с их предшественниками - помещиками и капиталистами.

В советское время и в пропаганде, и в общественном сознании экспроприация кулачества с выселением его в «холодные края» воспринималась как славная победа партии, рабочего класса и всего трудового народа. Такое восприятие, прочно внедренное в массовое сознание, господствовало не только при Сталине, но и несколько десятилетий после Сталина, практически до конца 1980-х гг.

В отличие от «кулацкой» составляющей спецпоселенчества, отношение к другой его составляющей - «национальной» (образовавшейся в результате выселения ряда малых народов) в советском общественном мнении было далеко не однозначно. По крайней мере, до 1955 г. включительно отношение к данным «националам» мало чем отличалось от восприятия «кулацкой проблемы», но, после того как

⁴ Вопросы истории КПСС. 1975. № 5. С. 134-141.

⁵ Голубев А.А. Указ. статья. С. 29.

на XX съезде КПСС в 1956 г. в числе преступлений И.В. Сталина было также названо выселение отдельных народов, это отношение заметно изменилось. Специальных работ на эту тему не выходило, но после XX съезда в различных трудах (по истории КПСС, СССР, союзных республик, в историко-краеведческой литературе и т.д.), где упоминалось о выселении народов, данный факт приводился, как правило, в критической, осуждающей форме.

Что касается западных исследователей, то они предпринимали попытки раскрыть эту тему, несмотря на то, что источниковая база по понятным причинам была весьма узкой и скудной. Важнейшим источником для них стали воспоминания очевидцев, так как среди советских перемещенных лиц, оставшихся на Западе, были и бывшие кулаки, и представители депортированных народов, и другие лица, подвергавшиеся в СССР репрессиям, включая нахождение на спецпоселении. Сбором соответствующей информации занимались также различные эмигрантские организации и комитеты, причем наибольшая активность в этом направлении исходила из среды калмыцкой эмигрантской диаспоры.

В 1960 г. вышла книга американского историка Р. Конквеста «Советские депортации народов», в которой автор, несмотря на скудость источников (помимо воспоминаний очевидцев - перемещенных лиц, использованы также показания репатриированных из Казахстана австрийских военнопленных, где они сталкивались со спецпоселенцами, признания одного советского офицера - перебежчика, участвовавшего в ряде операций по депортациям, и другие весьма шаткие и разрозненные источники), сумел дать близкую к реалистической хронологию и статистику депортаций, а также не совсем точную их географию. Все эти депортации Р. Конквест рассматривал как естественное продолжение колониальной политики царской России⁶.

В 1973-1975 гг. в Париже было опубликовано ставшее знаменитым трехтомное произведение А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»⁷. В главе под названием «История нашей канализации» автор в самых мрачных тонах обрисовал депортационные потоки в СССР в период 1918-1956 гг. и заодно разъяснил, кто такие спецпереселенцы. В картине, нарисованной А.И. Солженицыным, присутствовал ряд неточностей, искажений и преувеличений (отчасти это объяснялось отсутствием документальной базы, но больше проистекало из настроенности автора на разоблачение КПСС и советского режи-

⁶ *Conquest R. Soviet deportations of nationalities* London, New York, 1960

⁷ *Солженицын А И Архипелаг ГУЛАГ опыт художественного исследования* Тт 1-3 Париж, 1973-1975

ма). «Архипелаг ГУЛАГ» был переведен на многие языки, и проблема массовых насильственных переселений, практиковавшихся в СССР, была таким образом обнародована в поистине планетарном масштабе, оказав весьма нелицеприятное для советского руководства влияние на мировое общественное мнение. На этом фоне Политбюро ЦК КПСС и его идеологические органы проявляли в плане контрпропаганды поразительную беспомощность. У них не нашлось никаких контраргументов, кроме «глушилки» (глушение вещания западных радиостанций на Советский Союз).

Из работ, выходявших на Западе, следует назвать изданную в 1978 г. на русском языке (в 1979 г. - на английском языке) книгу бывшего советского гражданина А. Некрича «Наказанные народы». Рукопись книги была написана еще раньше, когда автор жил в СССР и, в отличие от Р. Конквеста, имел возможность личного общения и сбора устных и письменных свидетельств у участников событий, побывавших на спецпоселении от начала и до конца - с момента поступления на спецпоселение в 1943-1944 гг. и до освобождения в 1956-1957 гг. Отдельные главы книги посвящены депортациям из Крыма, Калмыкии и Северного Кавказа, пребыванию «наказанных» народов на спецпоселении и процессу их возвращения (или невозвращения) на свою родину после освобождения. С точки зрения наличия фактического материала работа А. Некрича заметно содержательней книги Р. Конквеста, но острейший дефицит документальных источников давал о себе знать. А. Некрич обозначил проблему депортаций в СССР (включая вопрос о жизни депортированных на спецпоселении) как целостную научную проблему.

Первые советские публикации по этой проблематике появились только в конце 1980-х гг., уже во время перестройки и как следствие провозглашенной тогда гласности. Среди первых советских исследований (включая публикации мемуарного характера), в которых рассматривались вопросы выселения народов с их исторической родины и их жизни в местах высылки, следует отметить работы Г. Вормсбехера, Х.М. Ибрагимбеили, А.Н. Кичихина, С. Кима и др.⁹ Эти публикации, основанные, как правило, на воспоминаниях при явном недостатке документальных источников, ценны прежде всего самим фактом их появления в открытой советской печати, что озна-

⁸ Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.

⁹ Вормсбехер Г. Немцы в СССР // Знамя, 1988, № 11; Боков Х. Эхо невозвратного прошлого // Москва, 1989, № 1; Ибрагимбеили ХМ Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование, 1989, № 4; Ким С. Исповедь сорен-сарам - советского человека // Дружба народов, 1989, № 4; Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал, 1990, № 9; и др.

чало прорыв в прежде «закрытую зону» для исторического исследования.

Во второй половине 1980-х гг. на какое-то время сложилась несколько парадоксальная ситуация, когда снятие запрета на публикацию работ и материалов по этой теме сочеталось с традиционным недостатком источниковой базы, так как соответствующие архивные фонды по-прежнему были закрыты для исследователей. Из работ этого периода мы бы выделили в плане своей научности и сравнительно высокой документальной базы статьи В.С. Парсадановой о депортации населения Западной Украины и Западной Белоруссии в довоенный период и В.А. Исупова - о демографической сфере в СССР (включая спецпоселенческую систему) . Важное значение имела публикация в 1989 г. документального сборника по коллективизации и раскулачиванию, в котором ярко проявились отход от прежних стереотипов и стремление к коренному переосмыслению этой трагической страницы истории нашей страны¹¹.

По своему стилю и тональности основная масса публикаций периода горбачевской перестройки (да и позднее тоже) носила, как правило, резко разоблачительный характер, находясь в русле развернутой тогда пропагандистской антисталинской кампании (мы имеем прежде всего в виду многочисленные публицистические статьи и заметки в газетах, журнале «Огонек» и т.п.). Скудность конкретно-исторического материала в этих публикациях с лихвой перекрывалась многократно преувеличенной «самодельной статистикой» жертв репрессий, поражавшей читательскую аудиторию своим гигантизмом, и всякого рода обобщениям и выводами эмоционального характера, не выходящими поначалу за рамки критики сталинизма, но вскоре переросшими их, и огонь критики стал перемещаться в целом на социализм. Дискуссия сводилась к вопросу: что означают все эти репрессии, включая депортации и спецпоселенческую систему, - или деформации социализма или же нечто, органически присущее социализму? У сторонников той и другой точек зрения были свои аргументы и свои явно слабые места. Так, у приверженцев идеи, что все эти «негативные явления» (массовые репрессии в различных формах) не являются деформациями социализма, а органически присущи ему,

¹⁰ Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939-1941 гг. // Новая и новейшая история, 1989, № 2; Исупов В.А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990.

¹¹ Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. / Сост.: В.П. Данилов и др. М., 1989.

весомым аргументом являлись результаты соответствующих параллелей с рядом других стран, строивших социализм (в первую очередь с маоистским Китаем и полпотовской Кампучией) и одновременно практиковавших насильственные переселения миллионов людей, но слабым местом была неспособность объяснить наличия в советской истории 38-летнего (1953-1991) бездепортационного периода (поэтому они вынуждены были абстрагироваться от этого факта, как бы не замечать его). Общим недостатком всех этих теоретических построений являлись полная зацикленность на советском периоде отечественной истории и отсутствие попыток совершить исторический экскурс в предшествующие ее периоды с целью поиска фактов, на основании которых можно было бы либо подтвердить, либо опровергнуть идею о генетической преемственности депортационной политики в царской России и в Советском Союзе.

В потоке публикаций эмоционально-разоблачительного характера с их, как правило, очень хилой источниковой базой (а нередко и вообще без таковой) в конце 1980-х гг. стали, образно говоря, «тонуть» работы с приличной для того времени источниковой базой и содержавшие взвешенные, уравновешенные оценки. К таким работам относилась научная монография А.В. Басова, посвященная истории Крыма в годы Великой Отечественной войны¹². В ней автор затронул, в частности, проблему выселения крымских татар и других народностей из Крыма. На основе конкретных фактов, достаточно аргументировано и убедительно А.В. Басов показал необоснованность и несправедливость распространения на весь крымско-татарский народ факта пособнической деятельности части крымских татар.

В конце 1980-х гг. большой резонанс в обществе вызвали выступления и публикации Р.А. Медведева о статистике жертв сталинизма, в частности его статья в «Московских новостях» (ноябрь 1988 г.)¹³. Р.А. Медведев не пользовался никакими архивными документами, и вся статистика жертв репрессий, включая потери при раскулачивании крестьян, депортации народов и др., построена на его собственных расчетах и, как вскоре выяснилось при сопоставлении с документальными источниками, была недостоверной, многократно преувеличенной. Тем не менее публикации Р.А. Медведева вкупе с появившейся тогда в открытой продаже книгой А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», страдавшей тем же недостатком, оказали решающее воздействие на массовое общественное сознание. Этому немало спо-

¹² Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне. 1941-1945. М., 1987.

¹³ Медведев Р.А. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября.

собствовали средства массовой информации (радио, телевидение, большинство газет и журналов), которые широко пропагандировали гипертрофированно преувеличенную статистику Р.А. Медведева и А.И. Солженицына, игнорируя (по нашему мнению, умышленно) основанную на документах подлинную информацию, содержащуюся в вышедших, начиная с 1989 г., публикациях профессиональных историков.

В этих условиях опубликованная в 1989 г. в журнале «Вопросы истории» статья бывшего директора Центрального государственного архива народного хозяйства СССР (ныне - Российский государственный архив экономики) В.В. Цаплина о статистике жертв сталинизма в 1930-е годы¹⁴ прошла незамеченной для широкой общественности и стала в общем-то достоянием лишь узкого круга специалистов. Однако именно в статье В.В. Цаплина, в отличие от работ Р.А. Медведева и А.И. Солженицына, были показаны основанные на архивных документах реальные масштабы репрессий, включая людские потери при раскулачивании и выселении раскулаченных крестьян.

Таким образом, вплоть до конца 1980-х гг. историография (имеются в виду прежде всего работы Р. Конквеста, А. Некрича и А.И. Солженицына) проблемы насильственных переселений и спецпоселенчества в Советском Союзе носила больше постановочный характер, главным образом из-за отсутствия архивной (и не только архивной) источниковой базы.

Ситуация резко изменилась с 1989 г. В этом году мне, как члену возглавляемой членом-корреспондентом АН СССР (ныне - академиком РАН) Ю.А. Поляковым Комиссии Отделения истории АН СССР по установлению истинных потерь населения СССР, был разрешен доступ к хранящимся в спецхране ЦГАОР СССР (ныне - ГАРФ) документам Секретариата НКВД-МВД СССР, ГУЛАГа, Отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР и других ранее строго засекреченных архивных фондов.

В ноябре 1989 г. в «Аргументах и фактах» нами впервые была опубликована, опираясь на эти документы, статистика (численность) всех категорий спецпоселенцев, а также ссыльнопосельцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г.¹⁵ Эта наша публикация вызвала заметный резонанс в обществе, свидетельством чего, в частности, явился большой поток читательских откликов в редакцию

¹⁴ Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // *Вопр. истории*, 1989. № 4.

¹⁵ Земское В.Н. Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // *Аргументы и факты*, 1989, № 39; *Он же*. Численность и состав ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г. // *Там же*, 1989. № 40.

«Аргументов и фактов». Характер этих откликов варьировался в широком диапазоне от безусловно одобрительных до резко негативных. Негативная реакция части читателей вызывалась главным образом тем, что они ожидали прочесть о десятках миллионов людей, якобы находившихся на спецпоселении, в ссылке и высылке, а их в действительности там было в начале 1953 г. менее 3 млн. На этой почве высказывались сомнения в подлинности этой информации, делались беспелециозные заявления, что эта статистика будто бы фальшивая, сфальсифицированная и т.п. Причем подобного рода заявления нам тогда приходилось выслушивать даже от некоторых профессиональных историков, что само по себе говорило об очень высокой степени внедрения в массовое сознание недостоверных, многократно преувеличенных «статистических изысканий» Р.А. Медведева и А.И. Солженицына. Однако дальнейшее изучение документов спецхрана ЦГАОР СССР (ГАРФ) как нами лично, так и другими исследователями (в 1989-1991 гг. с ними работали только советские историки, а с 1992 г. к этим документам стали допускаться и иностранные ученые) не оставило ни малейших сомнений относительно их подлинности и достоверности.

В конце 1980-х и в последующие годы нами была опубликована серия статей и разделов в коллективных трудах, в которых, опираясь почти целиком на выявленный в спецхране ЦГАОР СССР (ГАРФ) уникальный архивный материал, была сделана попытка раскрыть как историю спецпоселенчества в целом, так и ряда ее аспектов («кулацкая ссылка», спецпоселенцы из Крыма, принудительные миграции из Прибалтики и др.)¹⁶. Отдельные аспекты проблемы спецпоселенчества затрагиваются также в статьях автора о политических репрессиях,

¹⁶ *Земское В.Н.* Спецпоселенцы: по документации НКВД-МВД СССР // Социологические исследования, 1990, № 11; *Он же.* Массовое освобождение спецпоселенцев исылных. 1954-1960 // Там же, 1991, № 1; *Он же.* Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Там же, 1991, № 2; *Он же.* Заключенные, спецпоселенцы,сылнопоселенцы,сылные и высланные: статистико-географический аспект // История СССР, 1991, № 5; *Он же.* «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования, 1991, № 10; *Он же.* «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Там же, 1992, № 2; *Он же.* Судьба «кулацкой ссылки» в послевоенное время // Там же, 1992, № 8; *Он же.* Принудительные миграции из Прибалтики в 1940-1950-е годы // Отечество, архивы, 1993, № 1; *Он же.* Судьба «кулацкой ссылки». 1930-1954 гг. // Отечество, история, 1994, № 1; *Он же.* Спецпоселенцы. 1930-1959 // Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994; *Он же.* Спецпоселенцы из Крыма. 1944-1956 // Крымский Музей. Симферополь, 1995; *Он же.* Демография заключенных, спецпоселенцев исылных. 30-е - 50-е гг. // Мир России. Т. VIII. Социология. Этнология. 1999, № 4; *Он же.* «Кулацкая ссылка» в 1930-е годы: численность, расселение, состав // Население России в XX веке. Т. 1. М., 2000; *Он же.* Депортации населения. Спецпоселенцы исылные. Заключенные // Население России в XX веке. Т. 2. М., 2001; *Он же.* Судьба «кулацкой ссылки» в 1940-1954 гг. // Там же; и др.

ГУЛАГе, репатриации советских перемещенных лиц¹⁷. В 2003 г. в издательстве «Наука» вышла наша монография по спецпоселенческой проблеме¹⁸.

В становлении и развитии историографии проблемы депортации народов и других групп населения и их жизни на спецпоселении важную роль сыграли научные разработки Н.Ф. Бугая. Источниковой базой его трудов тоже является уникальный материал, взятый из ранее засекреченных архивных фондов. В 1989 г. вскоре после моих публикаций в «Аргументах и фактах» вышла его первая статья по данной теме (в журнале «История СССР»)¹⁹.

Впоследствии Н.Ф. Бугай опубликовал преимущественно в академических журналах серию научных статей, посвященных различным аспектам указанной проблематики²⁰. Ряд его статей вышел также на страницах общественно-политических журналов и иных подобных изданий²¹. Вышли в свет книги Н.Ф. Бугая, в которых освещены как

¹⁷ Земское В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944-1951 годы // История СССР, 1990. № 4; *Он же*. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования, 1991. №№ 6 и 7; Getty J.A., Rittersporn G.T. and Zemskov V.N. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // The American Historical Review. Vol. 98. № 4. October 1993; Земское В.Н. Политические репрессии в СССР. 1917-1990 гг. // Россия XXI. М., 1994. № 1-2; *Он же*. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба. 1944-1956 гг. // Социологические исследования, 1995. №№ 5 и 6; *Он же*. Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечество, история, 1997. № 4; *Он же*. Советские перемещенные лица. Репатрианты // Население России в XX веке. Т. 2. М., 2001; *Он же*. Военнопленные // Там же; *Он же*. Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество. 1941-1945. М., 2004; и др.

¹⁸ Земское В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. М., 2003.

¹⁹ Бугай Н.Ф. К вопросу о депортациях народов СССР в 30-40-х годах // История СССР, 1989. № 6.

²⁰ Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопр. истории, 1990. № 7; *Он же*. Депортация народов с Украины. 30-50-е годы // Украинский исторический журнал. Киев, 1990. №№ 10 и 11; *Он же*. Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений // История СССР, 1991. № 1; *Он же*. 40-е годы: «Автономии немцев Поволжья ликвидировать...» // Там же, 1991. № 2; *Он же*. 40-50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР) // Там же, 1992. № 1; *Он же*. Депортация крымских татар в 1944 г. // Украинский исторический журнал, 1992. № 16; *Он же*. 20-40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечество, история, 1992. № 4; *Он же*. О выселении корейцев из Дальневосточного края // Там же, 1992. № 6; *Он же*. О переселении и депортациях еврейского населения в СССР // Там же, 1993. № 2; *Он же*. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопр. истории, 1994. № 5; *Он же*. Депортация населения в 1920-1930-е годы // Население России в XX веке. Т. 1. М., 2000; *Он же*. Депортация народов // Война и общество. 1941-1945. М., 2004; и др.

²¹ Бугай Н.Ф. Депортация // Политический собеседник. Минск, 1990. № 6; *Он же*. Север в политике переселения народов // Север, Петрозаводск. 1991. № 4; *Он же*. «Корейский вопрос» на Дальнем Востоке и депортации 1937 г. // Проблемы Дальнего Востока, 1992. № 4; *Он же*. Харуки Вада. Из истории депортации «русских корейцев» // Дружба народов, 1992. № 7; *Он же*. Власть сатаны: О депортациях народов из Прибалтики в 40-50-е годы // Молодая Гвардия, 1993. № 4; *Он же*. 20-50-е годы: принуди-

депортации в целом, так и отдельных народов и групп населения²². Кроме того, книга о депортациях курдов выпущена, Н.Ф. Бугаев в соавторстве с Т.М. Броевым и Р.М. Броевым, а книга о депортациях с Кавказа - в соавторстве с А.М. Гоновым, о выселениях греков - с А.Н. Коцонисом²³. Безусловно, на сегодняшний день Н.Ф. Бугай является ведущей фигурой в плеяде исследователей истории депортаций в СССР.

Содержание работ Н.Ф. Бугая и моих публикаций во многом перекликается, что, видимо, неизбежно при разработке различных аспектов одной большой проблемы. Однако у нас изначально выявилось своего рода «разделение труда»: в публикациях Н.Ф. Бугая акцент сделан в сторону истории депортаций, а в моих работах, включая настоящую диссертацию, - в сторону истории спецпоселенчества.

Появление в конце 1980-х гг. первых публикаций, опирающихся на документы ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ, означало в данной ситуации не просто начало нового этапа в историографии, а настоящий «революционный переворот» в ее развитии. Во-первых, данная научная проблема получила мощные жизненные силы для дальнейшего изучения, а до этого она была буквально загнана в тупик. Во-вторых, изучение новых архивных источников вскрыло множество аспектов и нюансов проблемы, о многих из которых раньше ввиду засекреченности документов ничего (или почти ничего) не было известно. В-третьих, даже те аспекты проблемы, которые ранее в той или иной степени не были секретом для исторической науки, под воздействием ввода в научный оборот обширного материала из архивных документов стали разрабатываться несравненно более глубоко и всесторонне. Наконец, ввод в научный оборот нового мощного пласта исторических источников привел не только к радикальному обогащению источниковой базы, но и во многих случаях к серьезной корректировке и переосмыслению многих вопросов изучаемой темы.

С начала 1990-х гг. и до настоящего времени историография пополнилась рядом книг, посвященных депортации народов и их жизни на спецпоселении. Это и сборники статей, и монографические исследования, авторами которых являются В.А. Берлинских, А.А. Герман,

тельные переселения народов // Обозреватель, 1993. № 11; *Он же*. О депортациях иранцев из Азербайджана и Казахстана // Восток, 1994, № 6; и др.

²² *Бугай Н.Ф.* Операция «Улусы». Элиста, 1991; *Он же*. «По сведениям НКВД были переселены...». Киев, 1992; *Он же*. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. 1944-1994. М., 1994; *Он же*. Л. Берия - И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; и др.

²³ *Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М.* Советские курды: время перемен. М., 1993; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). М., 1998; *Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н.* «Обязать НКВД СССР...выселить греков». М., 1999.

А.М. Гонов, В. Убушаев, Д.В. Шабаев и др.²⁴. Отмечен выход учебных пособий по спецпоселенческой тематике²⁵. Различным аспектам истории депортаций и спецпоселенчества посвящены статьи М.А. Вылцана, А.Э. Гурьянова, А.Н. Дугина, В.А. Иванова, Н.М. Игнатовой, А.И. Кокурина, А.Н. Коциониса, П.М. Поляна и других исследователей²⁶. Вышел из печати ряд сборников документов, составителями которых являются С.У.Алиева, В.А. Ауман, Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов, О.Л. Милова, В.Г. Чеботарева и др.²⁷

Серьезным историографическим явлением стал выход в свет в 2001 г. монографии П.М. Поляна, посвященной истории и географии принудительных миграций в СССР²⁸. Хотя в ней и присутствует новый архивный материал, но преобладает уже материал вторичного

²⁴ Убушаев В. Калмыки: Выселение и возвращение. Элиста, 1991; Шабаев Д.В. Правда о выселении балкарцев. Изд. 2-е, доп. Нальчик, 1994; Герман А.А. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996; Такаев Д. Очерки политической истории Чечни (XX век). В 2-х частях. М., 1997; Народы России: проблемы депортации и реабилитации / Отв. ред. Н.Ф. Бугай. Майкоп, 1997; Гонов А.М. Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов. 20-90-е годы XX века. Нальчик, 1998; Репрессии против советских немцев: Наказанный народ. М., 1999; Бердинских В.Л. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. Киров, 2003; и др.

²⁵ Горохов С.Н. Спецпереселенцы на севере Якутии в годы Великой Отечественной войны: Учеб. пособие. Якутск, 1998.

²⁶ Дугин А.Н. Спецпоселения // Полиция и милиция России. М., 1993; Кокурин А.И. Спецпереселенцы в СССР в 1944 году, или Год большого переселения // Отечество, архивы, 1993. № 5; Вылцин М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение, 1995. № 3; Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930-1940 гг.: Заселение и условия жизни // Корни травы. М., 1996; Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения вглубь СССР в мае-июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1. М., 1997; Он же. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940-1941 гг. // Там же; Коционис А.Н. Депортация греков Северного Кавказа в 30-50-е годы // Понтийские греки. Краснодар, 1997; Иванов В.А. Операция «Бывшие люди» в Ленинграде (февраль-март 1935 г.) // Новый часовой. СПб., 1998. № 6-7; Полян П.М. Насильственные миграции в бывшем СССР // Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999; Он же. География принудительных миграций в СССР // Изв. Академии наук. Сер. геогр. 1999. № 6; Стродс Х.П. Депортация населения Прибалтийских стран // Вопр. истории, 1999. № 6; и др.

²⁷ Белая книга: О депортации корейского населения России в 30-40-е годы. Кн. 1. М., 1992; Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин - Лаврентий Берия: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М., 1992; Депортации народов СССР. 1930-1950-е годы / Сост. О.М. Милова. Ч. 1 и 2. М., 1992-1995; История российских немцев в документах / Сост.: В.А. Ауман и В.Г. Чеботарева. Т. 1 (1763-1992). М., 1993; Ссылка калмыков: как это было: Сб. документов и материалов. Т. 1. Кн. 1. Элиста, 1993; Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919-1952 годы: Худож.-док. сборник / Сост. С.У.Алиева. Тт. 1-3. М., 1993; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1994; Бугай Н.Ф. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов (1940-е годы). М., 1998; Он же. Депортация народов Крыма: Документы, факты, комментарии. М., 2002; «По решению Правительства Союза ССР...» / Сост.: Н.Ф. Бугай и А.М. Гонов. Нальчик, 2003; и др.

²⁸ Полян П.М. Не по своей воле ...: История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

характера, т.е. взятый из публикаций Н.Ф. Бугая, Н.А. Ивницкого и других исследователей, включая мои статьи. Эта работа находится на стыке истории и географии. Автор детально распределил все категории депортированных и спецпоселенцев по социальному, этническому, конфессиональному и другим признакам. Все принудительные переселения П.М. Поляна квалифицирует как специфическую форму политических репрессий. Им показаны и проанализированы насильственные переселения, имевшие место в XIX – начале XX вв. в Российской империи, и его оценки во многом созвучны с концепцией Р. Конквеста о преемственности политики в этой области в царской России и в СССР.

Из работ, вышедших в ставших независимыми государствами бывших союзных республиках СССР, мы бы выделили две монографии В.И. Пасата, посвященные депортациям в 1940-1950-е гг. с территории Молдавской ССР и жизни молдавских депортированных на спецпоселения²⁹. Помимо обилия фактического материала, работы В.И. Пасата характеризуются высокой степенью научного анализа. Это подлинно научные работы, в которых нет места всякого рода спекулятивным выпадам и построениям.

Увидел свет ряд исследований, посвященных такой форме спецпоселенчества, как «кулацкая ссылка». Здесь следует выделить книги Н.А. Ивницкого, С.А. Красильникова, Т.И. Славко и В.Я. Шашкова, подготовленных на основе богатого архивного материала³⁰. В них нашли освещение многие (прежде неизученные или малоизученные) аспекты истории «кулацкой ссылки». Вышел также ряд статей, из которых надо отметить посвященную «странному эпизоду» во взаимоотношениях Политбюро и ОГПУ в 1931 г. статью В.П.Данилова (этот «необычный эпизод» имел прямое отношение к «кулацкой ссылке»)³¹.

В регионах стали выходить сборники документов по «кулацкой ссылке»: на материалах Урала соответствующую публикацию подго-

²⁹ Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы. 1940-1950. М., 1994; *Он же*. Суровая правда истории: депортации с территории Молдавской ССР. 40-50 гг. Кишинев, 1998.

³⁰ Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане: Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове. 1930-1936 гг. Мурманск, 1993; *Он же*. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930-1954 гг. Мурманск, 1996; *Он же*. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000; *Ивницки Н.А.* Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х годов. М., 1994; *Он же*. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004; *Славко Т.И.* Кулацкая ссылка на Урале. 1930-1936. М., 1995; *Красильников СЛ* Серп и Молот: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.

³¹ Данилов В.П. Необычный эпизод во взаимоотношениях ОГПУ и Политбюро (1931 г.) // *Вопр. истории.* 2003. № 10.

товили Т.И. Славко и А.Э. Бедель, а на материалах Коми области - Г.Ф. Доброноженко и Л.С. Шабалова³². Особо следует отметить публикацию серии документальных сборников «Спецпереселенцы в Западной Сибири», в которых отражена история «кулацкой ссылки» в этом регионе от ее зарождения в 1930 г. до окончательной ликвидации в 1954 г. Каждый выпуск серии «Спецпереселенцы в Западной Сибири» снабжен написанными В.П. Даниловым и С.А. Красильниковым предисловиями, в которых дана не только характеристика публикуемых документов, но и научный анализ и оценка «кулацкой ссылки» и спецпоселенчества в целом как исторического явления³³. Представляют интерес также документальные публикации Г.М. Адибекова, С.А. Красильникова, О.М. Мамкина, В.Н. Макшеева и И.Е. Плотникова³⁴. Ценные сведения, касающиеся «кулацкой ссылки», имеются в фундаментальных документальных публикациях «Советская деревня глазами ОГПУ-НКВД» и «Трагедия советской деревни»³⁵, а также в сборнике «Неизвестная Россия: XX век» (особый интерес представляют письма спецпереселенцев на имя М.И. Калинина с мольбой о помощи)³⁶.

Проблема депортаций и спецпоселенчества в той или иной мере нашла отражение в трудах по истории ГУЛАГа. Это - монографии Г.М. Ивановой и Н.А. Морозова, документальные публикации А.Н. Дугина и М.И. Хлусова, справочник, составленный М.Б. Смирновым, и другие работы³⁷. В том же плане представляют

³² Раскулаченные - спецпереселенцы на Урале (1930-1936 гг.): Сб. документов / Сост.: Т.И. Славко и А.Э. Бедель. Екатеринбург, 1993; Спецпоселки в Коми области: По материалам сплошного обследования. Июнь 1933 г.: Сб. документов / Сост.: Г.Ф. Доброноженко и Л.С. Шабалова. Сыктывкар, 1997.

³³ Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 - весна 1931 года. Новосибирск, 1992; То же: весна 1931 - начало 1933 года. Новосибирск, 1933; То же: 1933-1938. Новосибирск, 1994; То же: 1939-1945. Новосибирск, 1996.

³⁴ Восстание в Парбигской комендатуре. Лето 1931 г. / Сост.: С.А. Красильников и О.М. Мамкин // Исторический архив. 1994. № 3; Спецпереселенцы - жертвы «сплошной коллективизации»: Из документов «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б). 1930-1932 гг. / Сост. Г.М. Адибеков // Там же. № 4; Ссылка крестьян на Урал в 1930-е годы: Документы из архивов / Сост. И.Е. Плотников // Отечество, история. 1995. № 1; Нарымская хроника / Сост. В.Н. Макшеев. Т. 3. М., 1997.

³⁵ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в пяти томах. Т. 2. Ноябрь 1929 - декабрь 1930. М., 2000; Т. 3. Конец 1930 - 1933. М., 2001; Т. 4. 1934-1936. М., 2002; Советская деревня глазами ОГПУ-НКВД. Т. 3. 1930-1934. Кн. 1. 1930-1931. Документы и материалы / Отв. редакторы А. Берелович и В.П. Данилов. М., 2003.

³⁶ Неизвестная Россия: XX век. Кн. 1 и 2. М., 1992.

³⁷ Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997; Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956. Сыктывкар, 1997; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960: Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М., 1998; Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны. 1930-е годы: Сб. документов / Сост. М.И. Хлусов. М., 1998; ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / Г.М. Иванова, Т.И. Славко, Г.Ф. Весновская и др. Франкфурт-на-Майне; М., 1999; Дугин А.Н. Неизвестный

интерес работы М.А. Вылцана, Н.А. Ивницкого, С.А. Папкова, В.П. Попова, А.К. Соколова и др., посвященные исследованию репрессивной политики в СССР³⁸. В ряде коллективных монографий и сборников статей, в которых освещаются политические репрессии в СССР, видное место занимает и проблема депортаций и спецпоселенчества³⁹. В этом же плане представляет интерес и литература демографического характера, особенно первые два тома научного труда «Население России в XX веке»⁴⁰.

В 1990-х гг. были опубликованы материалы всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. - это прежде всего посвященная переписи 1937 г. монография В.Б. Жиромской, И.Н. Киселева и Ю.А. Полякова⁴¹ и серия документальных публикаций по указанным двум переписям⁴². В ходе переписей 1937 и 1939 гг. проводился учет так называемого спецконтингента НКВД, составной частью которого являлись трудпоселенцы (спецпереселенцы). Результаты этого учета близки к данным сводной статистической отчетности НКВД относительно численности трудпоселенцев (хотя и есть расхождения, но они непринципиальные и несущественные).

На фоне потока литературы по проблемам депортаций, спецпереселенцев и т.д., вышедшей в СССР и России с конца 80-х гг. до настоящего времени, отошла как бы в тень соответствующая зарубежная литература. Однако и за рубежом, особенно в ФРГ и США, продолжалась разработка этой темы и там она тоже поднялась на качест-

ГУЛАГ: Документы и факты. М., 1999; ГУЛАГ: Главное управление лагерей / Сост.: А.И. Кокурин и Н.В. Петров. М., 2000; и др.

³⁸ *Патов В.П.* Государственный террор в советской России. 1923-1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечество, архивы, 1992, № 2; *Патов С.А.* Сталинский террор в Сибири. 1928-1941. Новосибирск, 1997; *Вылцан М.А.* Репрессии против крестьян. 30-е годы // Власть и общество в СССР: политика репрессий. М., 1999; *Соколов А.К.* «Ежовщина» // Там же; *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне. 1928-1933 гг. М., 2000; и др.

³⁹ Репрессии против поляков и польских граждан: Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997; Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920-1950-е годы: Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции / Отв. ред. А.П. Деревянко. Владивосток, 1997; *Кудрявцев В.Н., Трусов А.К.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000; Политические репрессии в России. XX век. Сыктывкар, 2001; Политические репрессии в Калмыкии в 2040-е гг. XX века / Отв. редакторы: *КН. Максимов и Н.Г. Очирова.* Элиста, 2003; и др.

⁴⁰ Население России в XX веке: Исторические очерки / Отв. ред. Ю.А. Поляков. Т. 1 и 2. М., 2000-2001.

⁴¹ *Жиромская В.Б., Киселев КН., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996.

⁴² Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги / Сост.: *Н.А. Араловец, В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев.* М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Сост.: *Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, А.А. Исупов, КН. Киселев.* М., 1992; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия / Сост. *В.Б. Жиромская* СПб., 1999.

венно новый уровень в связи с вводом в научный оборот ранее засекреченных советских источников. Из работ, в которых рассматриваются различные аспекты принудительных миграций и спецпоселенчества в СССР, можно отметить труды А. Айсфельда, С. Виткрофта, М. Гелба, Д. Дальмана, Т. Мартина, И.О. Поля и др.⁴³. Надо отметить статью канадской исследовательницы Л. Виолы с ее любопытным построением «треугольника» «ОГПУ - раскулачивание - спецпереселенцы»⁴⁴. Западные историки сохранили традиционный для себя метод исследования, заключающийся в широком использовании источников мемуарного характера, но теперь уже это делалось в сочетании с привлечением массового конкретно-исторического материала, взятого как из опубликованных в СССР и РФ книг, статей, сборников документов и т.п., так и выявленного ими самими в российских архивах.

Зарубежный ученый мир с удовлетворением и, можно сказать, даже с энтузиазмом воспринял массовый ввод в научный оборот документов из ранее секретных советских архивных фондов. Однако имели место и исключения из этого правила. В 1995 г. американский исследователь С. Максудов (в прошлом - гражданин СССР) выступил с резкой критикой статистики, содержащейся в моих статьях. Это стало предметом острой полемики между ним и мной на страницах журнала «Социологические исследования»⁴⁵. В противовес приведенным нами данным из архивных документов С. Максудов противопоставил собственные расчеты, касавшиеся в основном масштабов раскулачивания и смертности раскулаченных крестьян, а также смертности крымских татар во время депортации и на спецпоселении. Эти расчеты не имели ничего общего с реальной картиной, были

⁴³ *Jakobson M.* Origin of Gulag: The Soviet Prison Camp System. 1917-1934. Louisville, 1993; *Dahlmann D.* "Operation erfolgreich durchgeführt": Die Deportationen der Wolgadeutschen 1941 // *Flucht und Vertreibung: zwischen Aufrechnung und Verdrängung*. Wien, 1994; *Merl S.* Das System der Zwangsarbeit und die Opferzahl im Stalinismus // *Geschichte im Wissenschaft und Unterricht*. 1995. Jg. 46. Heft 5/6; *Eisfeldt A., Herdt V.* Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. Köln, 1996; *Wheatcroft S.* The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings. 1930-1945 // *Europe - Asia Studies*. 1996. Vol. 48. № 4; *Gelb M.* The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // *Nationalities Papers*. Vol. 24. № 2. 1996; *Pohl J.O.* The Stalinist Penal System: A Statistical History of Soviet Repression and Terror. 1930-1953. Jefferson, 1997; *Martin T.* The Origin of Soviet Ethnic Cleansing // *The Journal of Modern History*. Vol. 70. № 4. December 1998; *Dahlmann D., Hirschfeld G.* Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. Essen, 1999; и др.

⁴⁴ *Виола Л.* ОГПУ, раскулачивание и спецпереселенцы // *Крестьяноведение: Теория. История. Современность*. М., 1999.

⁴⁵ *Максудов С.* О публикациях в журнале «Социс» (Письмо в редакцию) // *Социологические исследования*. 1995. № 9. С. 114-118; *Земское В.Н.* К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Там же. С. 118-127.

искажены в сторону преувеличения (причем многократного), но С. Максудов пытался доказать, что они, его расчеты, достоверны, а архивными документами нельзя пользоваться, потому что они, по его убеждению, недостоверны. «Феномен Максудова» - это отчаянная, заведомо обреченная на провал, попытка повернуть развитие данного направления исторической науки вспять, в период 50-80-х гг. XX века, когда ученые из-за отсутствия допуска к советским архивным документам вынуждены были довольствоваться оценочным или расчетным методом исследования. С. Максудов, в отличие от большинства других зарубежных ученых, оказался психологически не готов к переходу от привычного ему оценочно-расчетного метода исследования к принципиально иному методу, основанному на широком привлечении архивных документов.

Несмотря на относительное обилие литературы, остается немало вопросов, требующих освещения не только в фактологическом плане, но и их осмысления в концептуальном разрезе. Не до конца отработан понятийный аппарат. Открытым остается вопрос, кто такие спецпоселенцы - либо наиболее дискриминируемая часть обычного гражданского населения, либо наиболее льготная часть гулаговского населения или, может быть, одновременно и то и другое. Мы склонны рассматривать спецпоселенцев на начальных стадиях жизни на спецпоселении как людей, примыкающих к гулаговскому населению (на этом этапе они по многим параметрам мало чем отличались от политических ссыльных, а последние, безусловно, часть гулаговского населения), но с течением времени имеющих тенденцию эволюционизировать в сторону обычного гражданского населения. В основном эта эволюция постоянно находилась в стадии процесса, который по разным причинам то ускорялся, то замедлялся, но... не завершался.

Предпринимаются попытки определить специфику спецпоселенчества как формы репрессии, отличающего его, скажем, от лагерной системы. Так, В.А. Берлинских пишет, что «если ГУЛАГ - это, в значительной мере, явление надэтническое, то спецпоселение - это акция прежде всего национально ориентированная», при этом оговаривая, что «кулацкая ссылка 1930-х годов, безусловно, преследовала иные цели»⁴⁶. На наш взгляд, для существования такой концепции есть весьма веские основания.

В ходе изучения проблемы выявилось отчетливое несоответствие между решениями высших партийно-советских органов об устройстве спецпереселенцев, их материально-бытовом обеспечении и т.п. и их конкретном воплощении в жизнь. Судя по тому, что было напи-

⁴⁶ Берлинских В.А. Указ. соч. С. 4.

сано в этих решениях, спецпереселенцы, казалось бы, должны были благоденствовать, но в реальной жизни, как правило, все получалось наоборот. В этой связи Н.А. Ивницкий, говоря о партийно-правительственных постановлениях по устройству и использованию труда спецпереселенцев, констатирует, что «их было достаточно много, но ни одно из них не было выполнено». Далее он пишет: «Возникает вопрос, почему не выполнялись решения Политбюро - всевластного органа, которому были подчинены и подотчетны все партийно-государственные структуры, не исключая ЦИК и СНК СССР, наркоматы и ведомства, суд и прокуратуру? Объяснение может быть одно: Политбюро не было заинтересовано в выполнении своих решений, а принимало оно их, скорее, чтобы создать видимость заботы о спецпереселенцах»⁴⁷.

Ответ Н.А. Ивницкого на поставленный им же вопрос выглядит весьма спорным. Ведь тогда получается, что все решения Политбюро и других высших органов по спецпереселенцам принимались не всерьез, а лишь для «отвода глаз». Это очень сомнительно. По нашему мнению, высшие партийно-советские органы относились к этой проблеме вполне серьезно, включая и вопрос о материальном обеспечении и бытовом устройстве спецпереселенцев. Другое дело, что в их решениях присутствовал солидный налет иллюзорности и утопичности. Здесь, видимо, уместно привести известную современную притчу «хотели как лучше, а вышло как всегда».

Безусловно, прав С.А. Красильников, который, полемизируя с Н.А. Ивницким относительно утверждения последнего, что ни одно из директивных указаний Политбюро в отношении спецпереселенцев не было выполнено, указывает на сомнительность этого тезиса. С.А. Красильников совершенно справедливо отмечает: «Точнее было бы считать, что большинство постановлений не выполнялось в полном объеме и в намечаемые сроки». Здесь же он делает совершенно очевидный и бесспорный, по нашему мнению, вывод, что «Политбюро было заинтересовано и в принятии, и в осуществлении своих решений»⁴⁸.

Конечно, советская литература в силу известных причин была наштампована всякого рода идеологическими штампами, шаблонами и стереотипами. Однако и в постсоветской литературе наблюдается нечто подобное, но, как правило, с противоположным знаком. Например, если советская литература была стереотипно антикулацкой, то постсоветская - не менее стереотипно прокулацкой. Мы отмечаем

⁴⁷ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. С. 235-236.

⁴⁸ Красильников С.А. Серп и Молох. С. 19.

это не в порядке осуждения или одобрения, а просто констатируем факт.

В ряде случаев (особенно в Прибалтике) проблема депортаций и спецпоселенчества используется для ведения антироссийской пропаганды, имеют место попытки спекулировать на этом во имя определенных политических интересов и личных амбиций. Но и в бывших союзных республиках СССР (а ныне независимых государствах) есть исследователи, которые решительно выступают против подобного «использования» данной проблемы. Так, молдавский историк В.И. Пасат, которого мы выше уже отмечали, пишет: «Выселения, репрессии - это общая боль. В объективном, непредвзятом осмыслении этого явления заинтересованы все народы бывшего СССР. Поэтому расставание с таким прошлым - это общая забота. И сегодня ни в коем случае нельзя превращать это расставание в повод для сведения межнациональных счетов»⁴⁹.

Цель и задачи исследования. Целью данной диссертации является комплексное изучение истории спецпоселенцев и спецпоселенческой системы в 1930-1960 гг., эволюции спецпоселенчества и специфических особенностей последнего на каждом из исторических этапов его существования.

Настоящая работа носит по преимуществу информационно-статистический характер с социально-демографическим уклоном, основными поставленными задачами которой являются: показать статистику всех контингентов, поступивших в течение 30-50-х гг. XX века на спецпоселение, географию их расселения в местах высылки, рождаемость и смертность, побег и задержания, трудовое использование по отраслям и ведомствам, материально-бытовое положение, морально-психологическое состояние и особенности спецпоселенческого менталитета, половозрастной и национальный состав и ряд других социально-демографических характеристик. Особое внимание обращено на процесс освобождения из спецпоселения в 1954-1960 гг.

Следствием реализации поставленных задач являются материалы и выводы данного исследования, призванного раскрыть такую недостаточно изученную в историографии проблему, как «Спецпоселенцы в СССР».

Методология и методика исследования. Диссертационное исследование основывается на принципах системного анализа и историзма. Диссертация носит конкретно-исторический характер, главы которой построены по проблемно-хронологическому принципу.

⁴⁹ Пасат В.И. Суровая правда истории. С. 381.

Проблема спецпоселенцев и спецпоселенческой системы рассматривается в контексте политических, социальных, демографических и экономических реалий изучаемой эпохи.

Научная новизна. Данная диссертационная работа является первым комплексным исследованием по истории всех категорий спецпоселенцев и спецпоселенческой системы. В течение 30-х-50-х гг. XX века на спецпоселении побывало не менее 6 млн. человек. Судьба именно этих людей раскрывается в диссертации. В ней исследуется история спецпоселенцев и спецпоселенчества за всю более чем 30-летнюю историю существования этой системы - от ее зарождения в 1930 г. в связи с массовой отправкой на спецпоселение раскулаченных крестьян до фактического упразднения в первой половине 1960-х гг. Отмечены все без исключения категории депортированных (а таковых категорий насчитывалось несколько десятков), побывавших на спецпоселении. В диссертации прослежены эволюция спецпоселенческой системы, ее специфические особенности на каждом из исторических этапов ее существования. Новизна работы заключается и во вводе в научный оборот значительного массива новых архивных источников.

Источниковая база исследования. Основной источниковой базой настоящей докторской диссертации является хранящаяся в спецхране Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) богатая документация (статистическая и др.) отдела (фонд 9479), в подчинении которого находились спецпоселенцы. В течение 1931-1959 гг. последние находились в ведении одного и того же отдела, название и ведомственная принадлежность которого время от времени менялись: 1931-1934 гг. - Отдел по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ; 1934-1940 гг. - Отдел трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР; 1940-1941 гг. - Управление исправительно-трудовых колоний и трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР; 1941-1944 гг. - Отдел трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР; **1944-**1950 гг. - Отдел спецпоселений НКВД-МВД СССР; 1950-1953 гг. - 9-е управление МГБ СССР; 1953-1954 гг. - Отдел «П» МВД СССР; 1954-1959 гг. - 4-й спецотдел МВД СССР. В марте 1959 г. этот отдел был ликвидирован, и большинство оставшихся тогда на спецпоселении лиц перешло в ведение Главного управления милиции МВД СССР.

В настоящей работе использованы также выявленные в спецхране ГАРФ документы Секретариата НКВД-МВД СССР (фонд 9401), ГУЛАГа (фонд 9414), Отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР (фонд 9408), Управления Делами Совета Народных Ко-

миссаров (Совета Министров) СССР (фонд 5446), Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР (фонд 9478), Прокуратуры СССР (фонд 8131), Управления Уполномоченного СНК (Совмина) СССР по делам репатриации (фонд 9526), Министерства юстиции СССР (фонд 9492).

В Российском государственном архиве социально-политической истории - РГАСПИ (бывший Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) использованы постановления Государственного Комитета Обороны (фонд 644), являвшегося высшим органом власти в СССР в 1941-1945 гг. В диссертации использованы выявленные в Центральном архиве ФСБ (ЦА ФСБ РФ) документы Информотдела ОГПУ за 1930 г. (ф. 2, оп. 8), касающиеся в основном настроений спецпереселенцев. По периоду 1930-1931 гг. использованы документы ПП ОГПУ по Северному краю и Северного крайкома ВКП(б) из Государственного архива общественно-политических движений и формирований Архангельской области (ГАОПДФАО).

Архивные документы, на базе которых преимущественно построено настоящее исследование, представляют из себя разного рода межведомственную и внутриведомственную переписку, докладные записки в ЦК ВКП(б), СНК СССР, руководству НКВД-МВД СССР и др. (есть и докладные записки на имя И.В. Сталина, а после 1953 г. - и на имя Н.С.Хрущева), инструкции, приказы и т.д. Особую ценность представляет текущая и сводная статистическая отчетность органов ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ, и в первую очередь указанного выше отдела, ведавшего спецпоселенцами. Это была закрытая ведомственная статистика, предназначенная для очень узкого круга лиц, и, хотя имела свои недостатки, но в целом была значительно полнее и надежней, чем, скажем, статистика ЗАГСов. Справки, составленные на основе статистической отчетности органов ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ, нередко представлялись лично И.В. Сталину, и если бы последний вдруг обнаружил, что его пичкают ложной информацией, то составители подобных документов могли бы поплатиться головой. Сознывая это, сотрудники указанных органов всех уровней были заинтересованы в том, чтобы их отчетность, в том числе и статистическая, была как можно полнее и объективнее, т.е. чтобы информация была достоверной и не имела расхождений с действительной картиной. В свете этого лишены каких-либо оснований заявления известных публицистов А.В. Антонова-Овсеенко и Л.Э. Разгона, что В.Н. Земсков якобы занимается фальсификацией, оперируя сфабри-

кованной статистикой, и что документы, которыми он пользуется, будто бы недостоверны и даже фальшивы⁵⁰.

Надо сказать, что за резким неприятием А.В.Антоновым-Овсенко и Л.Э. Разгоном публикации архивных документов скрывалось стремление сохранить мемуаристику в качестве основного вида источников. До конца 1980-х гг. мемуаристика (включая, естественно, мемуары и публицистику Антонова-Овсенко и Разгона) являлась если не единственным, то, во всяком случае, ведущим источником по истории ГУЛАГа, политических репрессий и т.д. Публикация же архивных документов неизбежно лишала мемуаристику статуса ведущего источника, отодвигая ее на второй план. А, поскольку к этому, неприятному для них процессу был напрямую причастен Земсков, то они, особенно Л.Э. Разгон, попытались сделать, не гнушаясь прямой клеветой⁵¹, из нашей скромной персоны некий зловещий «образ врага», покусившегося на их «место под солнцем».

Однако Антонов-Овсенко и Разгон были бессильны предотвратить массовый ввод в научный оборот архивных документов, включая и ненавистную им статистику. Данное направление исторической науки стало прочно опираться на документальную архивную базу (и не только в нашей стране, но и за рубежом). В этой связи в 1999 г. А.В.Антонов-Овсенко, по-прежнему пребывая в глубоко ошибочном убеждении, что опубликованная Земсковым статистика является фальшивой, а его, Антонова-Овсенко, «собственная статистика» якобы правильной (в действительности чудовищно извращенной), с прискорбием констатировал: «Служба дезинформации была на высоте во все времена. Жива она и в наши дни, иначе как объяснить «сенсационные» открытия В.Н. Земскова? К сожалению, явно сфальсифицированная (для архива) статистика облетела многие печатные издания и нашла сторонников среди ученых»⁵².

Столь нелюбезные оценки нашей научной деятельности в интерпретации А.В. Антонова-Овсенко и Л.Э. Разгона еще могли производить впечатление на какую-то часть читательской аудитории в конце 80-х-начале 90-х гг. прошлого века, когда не до конца была

⁵⁰ Антонов-Овсенко А.В. Противостояние // Литературная газета, 1991. 3 апр.; Разгон Л.Э. Ложь под видом статистики: Об одной публикации в журнале «Социологические исследования» // Столица, 1992. № 8. Мои ответы на критику А.В. Антонова-Овсенко и Л.Э. Разгона см.: История СССР, 1991. № 5. С. 151-152; Социологические исследования, 1992. № 6. С. 155-156.

⁵¹ В своей статье Л.Э. Разгон допустил ряд некорректных выпадов в наш адрес, имеющих сугубо клеветнический характер; там нет ни одного слова правды. «Критика» Л.Э. Разгона построена в том же плане, в каком, к примеру, в 1930-х гг. человека публично обвиняли в троцкизме. Отчасти такой же характер имеет «критика» в наш адрес и со стороны А.В. Антонова-Овсенко.

⁵² Антонов-Овсенко А.В. Черные адвокаты // Возрождение надежды. М, 1999. № 8 С. 3.

ясна ситуация с состоянием архивной источниковой базы. Позднее же, когда были сняты все сомнения относительно подлинности и достоверности хранящейся в спецхране ГАРФ документации и идея «явно сфальсифицированной (для архива) статистики» стала однозначно восприниматься в ученом мире как на редкость нелепая и абсурдная, подобные оценки не вызывают иной реакции, кроме недоумения и иронии.

Не соответствует истине и выдвинутая Л.И. Гвоздковой идея «двух статистик»: неофициальной (достоверной) и официальной (недостоверной). Смысл этой идеи состоит в том, что, мол, на местах процветало очковтирательство и в Центр посылалась фальшивая информация, а уже на ее основе составлялись документы, которыми пользовался Земсков. Документы же с достоверной информацией, по мысли Л.И. Гвоздковой, не посылались в Центр и хранятся в местных архивах. Л.И. Гвоздкова веда речь о лагерной статистике, но это, безусловно, касается и спецпоселенцев. При этом доводы, которые привела сама Гвоздкова, совершенно неубедительны и не подтверждают факта существования «двух статистик»⁵³. Мы допускаем, что указанное очковтирательство имело место, но в крайне ограниченных пределах, поскольку посылать в Москву заведомо ложные данные о численности заключенных или спецпоселенцев - это должностное преступление, на которое большинство соответствующих должностных лиц, конечно же, не могло пойти из чувства осторожности и самосохранения. С конца 1980-х гг. и до настоящего времени вышли десятки научных исследований и сборников документов с комбинированным использованием материалов центральных и местных архивов, и их содержание начисто опровергает всякого рода домыслы относительно мифических «двух статистик». Бесспорно также, что по степени достоверности содержание документов центральных и местных архивов примерно равноценное, и поэтому для их гипертрофированного противопоставления, как это сделала Л.И. Гвоздкова, нет абсолютно никаких оснований.

Любопытно, что направление подобного рода «критики» ярко выражено персонально ориентировано - она направлена исключительно против В.Н. Земскова, хотя другие исследователи (Н.Ф. Бугай, А.Н. Дугин, Н.А. Ивницкий, П.М. Полян и др.) используют в своих трудах ту же самую статистику, но они как бы вне критики. С точки зрения здравого смысла здесь налицо явная несуразица. Если кому-то из наших оппонентов кажется, что приводимая нами статистика не-

⁵³ См.: *Гвоздкова Л.И.* История лагерей и сталинских репрессий в Кузбассе. Кемерово, 1997. С. 371-372

достоверна или фальшива, то, очевидно, следует критиковать не одного только Земскова, а насчитывающую десятки фамилий целую плеяду исследователей данной проблемы и ее различных аспектов. Подобная критика, конечно же, должна быть конструктивной и доказательной, опирающейся на какую-то альтернативную источниковую базу (последнее, правда, заведомо невыполнимо, так как мы точно знаем, что никакой альтернативной источниковой базы не существует). «Критика» же в стиле А.В. Антонова-Овсенко, Л.Э. Разгона и Л.И. Гвоздковой, т.е. в виде голословных и бездоказательных «опровержений», не может служить образцом для подражания.

В диссертации практически нет такой информации (прежде всего, статистической) со ссылкой на определенный источник, которая бы не подтверждалась данными ряда других источников. Иными словами, мы придерживались правила, что «одиночный источник» использовать опасно, так как в нем могла присутствовать опечатка или ошибка либо же составители данного документа не имели целью давать полную информацию. Поэтому приводимая нами статистическая информация не просто взята из одного какого-то документа, а она подтверждается комплексом документов. Это создает непреодолимую преграду критикам, вознамерившимся доказать «недостоверность» статистики, приводимой в наших публикациях. Они неизменно на этом «поприще» терпели и обречены терпеть фиаско, а введенная нами в научный оборот статистическая информация (включая и содержащуюся в наших самых первых публикациях в «Аргументах и фактах» в 1989 г.) как была, так и по сей день остается наиболее достоверной в данном направлении исторической науки, с высоким индексом ее цитирования и использования в различных трудах, издающихся и в нашей стране, и за рубежом.

В литературе встречаются оценки, призванные вызвать недоверие к этой статистике. Так, Т.И. Славко, имея в виду спецпереселенческую статистику первой половины 1930-х гг. («кулацкую ссылку»), высказала сомнение в «достоверности сводных показателей», опубликованных в моих статьях, мотивируя это тем, что «обращение к источникам регионального характера, в том числе Уральской области, показывает крайне неудовлетворительный учет и отчетность с мест поселения спецпереселенцев»⁵⁴. На первый взгляд это замечание представляется весьма убедительным (в действительности это не так), но фактически ничего не опровергает (для этого нужны конкретные цифры и расчеты недоучета в региональной статистике, а

⁵⁴ Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930-1936. М., 1995. С. 7.

таковых у Т.И. Славко нет). В отношении состояния отчетности следует отметить, что нередко от отдельных комендатур отчеты поступали с большим опозданием и содержащиеся в них сведения не попадали в региональную статистику на определенную дату («опоздавшая информация» не пропадала и учитывалась в соответствующих сводных документах на более поздние даты), но чтобы хоть одна комендатура вовсе не посылала «наверх» отчетов и справок - такого не было. Странно, что критика направлена только в адрес Земскова, хотя в равной степени она относится и к исследованию Т.И. Славко: ведь вся статистика в ее книге состоит, во-первых, из данных документов местных архивов (а именно эти документы составлялись в свое время на основе, по ее словам, «крайне неудовлетворительного учета и отчетности») и, во-вторых, из «не вызывающего доверия» цифрового материала, взятого из моих публикаций. Однако мы исходим из того, что хотя какой-то недоучет и присутствовал в этой статистике, но он был незначительный и существенно не искажал реальную картину. И следовательно, как в моих публикациях, так и в книге Т.И. Славко приведена статистическая информация с достаточно высокой степенью достоверности. Следует четко уяснить, что система спецпоселений для высланного кулачества имела ярко выраженные черты *политической* ссылки, т.е. это была такая среда обитания, где *невозможно было продолжительное время существовать в качестве «человека-невидимки»*. В «кулацкой ссылке» имели место такие казусы, когда лица, числившиеся умершими или бежавшими, позднее обнаруживались проживающими в том или ином спецпоселке (трудпоселке). Но и они учтены в приводимой нами статистике в рубрике «прочие причины прибытия». Если какую-то часть спецпереселенцев не учли на 1 января 1932 г., то многие из них вошли в учет на 1 января 1933 г.; если же и на эту дату кого-то не учли, то они непременно позднее были выявлены и вошли в учет на 1 января 1934 г., и т.д. Поэтому мы уверены, что в приводимой нами статистике не выпало практически ни одного человека, побывавшего в качестве спецпереселенца (трудпоселенца) в «кулацкой ссылке». Критику Т.И. Славко в наш адрес мы даже отчасти не можем признать справедливой.

Несмотря на то, что критика Т.И. Славко в наш адрес носит предположительный характер, у нее нашлись последователи, которые стали преподносить все это в утвердительной форме. Так, Н.А. Морозов уверяет, что Т.И. Славко выявила «расхождения в подсчетах В.Н. Земскова и данных региональной статистики»⁵⁵. На са-

⁵⁵ Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае 1929-1956 гг.: Автореф. докт. дисс. Екатеринбург, 2000. С. 15.

мом же деле Славко только подозревает, что такие расхождения, возможно, существуют. Далее Н.А. Морозов пишет, что такие же расхождения зафиксированы и на материале Северного края⁵⁶. Вот тут-то названный автор откровенно блефует, потому что в действительности ничего подобного документально не зафиксировано. Мы определяли, опираясь на документы, общее число раскулаченных, сосланных в 1930-1933 гг. в Северный край, в 300 тыс. человек. Другие же исследователи, тоже опираясь на документы, приводили те же данные. Например, согласно изысканиям В.Я. Шашкова, в 1930-1931 гг. в Северный край была выслана 58 271 семья, а в декабре 1932 г. и январе 1933 г. - еще 4615 семей, т.е. всего за 1930-1933 гг. 62886 семей, в составе которых было 300 922 человека⁵⁷. Таким образом, вопреки уверениям Н.А. Морозова в работах других исследователей фиксируются не какие-то мифические «расхождения», а, наоборот, приводятся данные, совпадающие с теми, которые ранее приводились в моих опубликованных статьях.

В перспективе в ходе дальнейшего исследования реально возможны незначительные уточнения отдельных статистических показателей, содержащихся в настоящей диссертационной работе, не влияющих на их масштаб. Поэтому встречающуюся в литературе и публицистике статистику принципиально иного масштаба можно смело квалифицировать как недостоверную.

Так, в 2003 г. в журнале «Вопросы истории» вышла статья В.П. Данилова, в которой утверждается, что «общая численность спецпереселенцев на 30 сентября 1931г. составила 517 665 семей, насчитывающих 2437062 человека»⁵⁸. В действительности же на указанную дату (и это подтверждается всеми имеющимися документами) на спецпоселение было направлено 381 026 семей численностью 1 803 392 человека, из них направлено в другие области - 224387 семей, 1169722 чел.; расселено внутри областей - 136639 семей, 633 670 чел.⁵⁹ Именно такие данные приведены в наших публикациях и настоящей диссертации, и их невозможно опровергнуть, поскольку они подтверждаются всем комплексом имеющихся источников. Статистики же, которую привел В.П. Данилов, в документах нет. Спрашивается: откуда же он взял цифры, не фигурирующие ни в одном из известных науке документов? Оказывается, их вывел сам

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Шашков В. Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край. 1930-1933 годы // Отечество, история. 1996. № 1. С. 150-155.

⁵⁸ Данилов В.П. Указ. статья. С. 127.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 205; Советская деревня глазами ОГПУ-НКВД: Документы и материалы. Т. 3. Кн. 1. М., 2003. С. 771-772..

В.П. Данилов исходя из ошибочного представления, что переселенные внутри областей (136 639 семей, 633 670 человек) якобы не входят в общую статистику высланного кулачества. Поэтому он произвел такие (совершенно неправильные) арифметические действия: в семьях - $381\ 026 + 136\ 639 = 517\ 665$; в людях - $1\ 803\ 392 + 633\ 670 = 2\ 437\ 062$. Эти расчеты, конечно же, являются грубой ошибкой и серьезным искажением реальной картины.

Тем не менее, в литературе уже начали преподносить «статистику» В.П. Данилова в противовес «недостаточно достоверной» статистике В.Н. Земскова. Это, в частности, сделано в опубликованной рецензии Т.Г. Леонтьевой на мою монографию «Спецпоселенцы в СССР 1930-1960». Автор этой рецензии, не подозревая, что Данилов просто-напросто грубейшим образом ошибся в своих расчетах, пытается найти логическое объяснение столь существенному расхождению в статистике. Т.Г. Леонтьева объясняет это тем, что «ведомства по-разному отвечали на запросы, исходя из собственной текущей статистики», а «нестыковка ведомственных данных характерна практически для любой советской (как и дореволюционной) статистики»⁶⁰. Это объяснение в принципе верное, но не для данного случая. Мы пользовались статистикой двух «ведомств» - Политбюро и ОГПУ, которые рассматривали ее как исчерпывающую. Трудно предположить, что Политбюро и ОГПУ владели неполной статистикой, а какое-то другое «ведомство» обладало более полной информацией. Неверно также предположение Т.Г. Леонтьевой, что статистика, приведенная В.П. Даниловым, учитывает, помимо кулаков, еще какие-то категории ссыльных. В.П. Данилов пользовался документами, где речь шла только о кулаках, причем не о всех, а о 2-й их группе с добавлением неарестованных членов семей кулаков 1-й группы.

В связи с вышеизложенным мы вынуждены опровергнуть один из основных статистических постулатов А.И. Солженицына, согласно которому при раскулачивании в 1929-1930 гг. было направлено «в тундру и тайгу миллионов пятнадцать мужиков (а как-то и не поболее)». Здесь допущено преувеличение более чем в семь раз. При этом столь грубое искажение действительности трудно ставить А.И. Солженицыну в вину, поскольку его труд «Архипелаг ГУЛАГ» носит мемуарно-публицистический характер, где автор имеет право строить «самодельную» статистику на основе собственных представлений. Однако мы, профессиональные историки, не имеем на это

⁶⁰ Леонтьева Т.Г. Рецензия на монографию В.Н. Земскова «Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960» (М.: Наука, 2003. 306 с.) // Pro et Contra. М., 2004. Т. 8. № 3. С. 235.

⁶¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1989. Т. 1. С. 34.

права и обязаны пользоваться документально подтвержденной информацией.

Искаженная статистическая информация может быть плодом не только всякого рода «оценок» и «расчетов», но и неправильного прочтения документов. Согласно В.С. Парсадановой, в 1939-1941 гг. из Западной Украины и Западной Белоруссии было якобы депортировано 1173 170 человек⁶². Эта цифра пошла «гулять» по страницам различных изданий, но она совершенно неправильная. В документах, которыми пользовалась В.С. Парсаданова, указано, что в это число входят 959472 трудпоселенцев (население «кулацкой ссылки», сформировавшееся еще в 1930-1933 гг.) и 213 698 спецпоселенцев - польских осадников и беженцев (это данные о наличии трудпоселенцев и спецпоселенцев в ноябре 1940 г.)⁶³. В.С. Парсаданова не разобралась в этой ситуации, ошибочно приняв их общее количество (1173 170), включающее в себя всех находившихся в ноябре 1940 г. на спецпоселении (трудпоселении) раскулаченных в 1930-1933 гг. крестьян, за масштаб депортации в 1939-1940 гг. из Западной Украины и Западной Белоруссии.

В тех случаях, когда в разных документах, касающихся одного и того же вопроса, приводятся противоречивые сведения, нами проводилось источниковедческое расследование с целью докопаться до причин такого положения и выявить в результате наиболее достоверную информацию. Так нам, например, пришлось разбираться с «разноголосицей» в различных документах, касающихся общего количества поляков, высланных в 1936 г. от старой западной границы СССР, то же самое сделано и в отношении чрезвычайно запутанной ситуации со статистикой депортированных в 1937 г. курдов, а также высланных в 1939-1941 гг. польских граждан и др.

Практическая значимость исследования. Выводы и материалы настоящей диссертационной работы представляют практический интерес для научных работников, преподавателей вузов; они могут быть полезны при преподавании в высших и средних учебных заведениях - в лекционных курсах по отечественной истории, а также при подготовке спецкурсов и учебных пособий. Они также могут быть использованы при написании обобщающих трудов по советской и российской истории XX века. В диссертации имеются материалы, которые можно использовать при подготовке историко-краеведческих трудов. Безусловно, материалы и выводы диссертации представляют существенный интерес для авторов трудов по истории

⁶² Парсаданова В.С. Указ статья. С. 36.

⁶³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 26-28; Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ. С. 87.

политических репрессий в СССР, социально-демографических процессов в советском обществе и др. Возможно также использование научных разработок данного исследования при выработке государственных программ социально-демографического характера.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы изложены в вышедшей в 2003 г. в издательстве «Наука» монографии «Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960» (21,8 п.л.) и опубликованной в 1989-2004 гг. серии (35 наименований объемом свыше 45 п.л.) научных статей (преимущественно в академических изданиях - «Отечественная история», «Социологические исследования» и др.) и разделов в коллективных научных трудах общим объемом 67 п.л. Содержание большинства этих работ целиком посвящено различным аспектам проблемы «Спецпоселенцы в СССР», и лишь в некоторых из них они, различные аспекты данной проблемы, рассматриваются вместе с другими вопросами. Следует оговориться, что в перечень работ, в которых изложены основные положения данной докторской диссертации, не включена серия наших опубликованных статей о заключенных ГУЛАГа и советских репатриантах как не соответствующая теме диссертации, поскольку в них не затрагивается спецпоселенческая проблема.

Автор диссертации неоднократно выступал с научными докладами на всесоюзных (в 1990-1991 гг.) и позднее на всероссийских научных конференциях. Помимо этого, автор выступил с соответствующими докладами на двух международных конференциях в Германии (в г. Мюльхайм/Пур в 1995 г. и Берлине в 1999 г.).

В опубликованных рецензиях на монографию «Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960» содержатся в целом одобрительные оценки научных разработок автора по данной проблематике⁶⁴.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и списка сокращений.

Во **введении** обоснована актуальность темы, сформулированы цель и задачи исследования, обоснованы его хронологические рамки, раскрывается методология исследования, определяются научная новизна и практическая значимость диссертации, дана характеристика состояния историографии и источниковой базы. Введение содержит также сведения об апробации результатов исследования.

⁶⁴ См.: *Журавлев С.В.* Рецензия на монографию В.Н.Земскова «Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960» (М.: Наука, 2003. 306 с.) // Отечественная история. 2004. № 4. С. 189-194; *Леонтьева Т.Г.* Рецензия на монографию В.Н.Земскова «Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960» (М.: Наука, 2003. 306 с.) // Pro et Contra. М., 2004. Т. 8. № 3. С. 234-238.

Первая глава «Кулацкая ссылка в 1930-е годы» посвящена изучению такой формы спецпоселенчества, как «кулацкая ссылка».

Рождение спецпоселенчества в 1930 г. связано с массовым выселением раскулаченных крестьян в северные и восточные регионы СССР, где они определялись на *специальное поселение*.

В ходе раскулачивания так называемые кулаки были разбиты на три группы. Главы семей кулаков первой группы арестовывались и обычно приговаривались к лагерному или тюремному заключению либо же к высшей мере. Члены их семей и все кулаки второй группы подлежали направлению на спецпоселение. Кулаки третьей группы тоже подвергались выселению с конфискацией имущества, но на спецпоселение не направлялись.

По нашим оценкам, в 1929-1933 гг. общее число раскулаченных крестьян (всех трех групп) могло максимально составлять 3,5 млн., из них порядка 2,3 млн. (или более 65%) побывали на спецпоселении («кулацкой ссылкой»). Всего, по нашим подсчетам, в период 1930-1940 гг. через спецпоселение в форме «кулацкой ссылки» прошли около 2,5 млн. человек, из них примерно 200 тыс. представляли из себя «примесь» в лице городского деклассированного элемента, высланного из погранзон «сомнительного элемента» и др.

Спецпоселенческая система, помимо мотивов политического и социального характера, являлась также порождением государственной политики *спецколонизации*, т.е. освоения необжитых и малообжитых районов страны посредством насильственных переселений.

Основными регионами сосредоточения спецпоселенческой системы стали Европейский Север СССР, Урал, Сибирь, Дальний Восток и Казахстан, т.е. те же самые регионы, в которых была сконцентрирована основная масса заключенных ГУЛАГа и политических ссыльных.

В начальный период (1930-1931) спецпереселенцы по своему положению и статусу мало чем отличались от политических ссыльных, но в последующие годы наметилась тенденция к их постепенному сближению со свободным гражданским населением. Однако эта эволюция не имела радикального характера, и поэтому применительно к концу 1930-х гг. можно констатировать, что спецпереселенцы (трудпоселенцы) являлись особым социальным слоем, в гораздо большей степени близким к политическим ссыльным, нежели к свободному населению.

Сложилась определенная среда обитания в виде сети спецпоселков (трудпоселков), представлявших из себя, как правило, сель-

ские населенные пункты, в которых органом власти вместо сельсовета являлись спецкомендатуры НКВД.

По нашим оценкам, за период 1930-1940 гг. в «кулацкой ссылке» умерло порядка 700 тыс. человек, из них подавляющее большинство – в 1930-1933 гг.

В первые годы жизни на спецпоселении смертность многократно превышала рождаемость. Лишь в 1935 г. в «кулацкой ссылке» впервые было отмечено превышение рождаемости над смертностью.

В течение 1930-х гг. такая форма спецпоселенчества, как «кулацкая ссылка», прошла определенные этапы в своей эволюции – от зарождения в страшных родовых муках до относительной стабилизации. Можно сказать, что в конце 1930-х гг. «кулацкая ссылка» находилась в зените своего развития, а дальше начался ее закат, вызванный рядом факторов, о чем речь в последующих главах.

Во второй главе «Депортации и спецпоселенческая система в довоенные и военные годы» рассматриваются в основном процессы, связанные с массовым поступлением на спецпоселение жертв тотальных и частичных этнических чисток. На спецпоселение стали направляться целые народы, которые обычно называют «наказанными». Именно они, «наказанные народы», стали основой спецпоселенчества, отодвинув на второй план раскулаченных крестьян.

В середине 1930-х гг. обозначился переход от социально-классового принципа депортаций к национальному, принявший поначалу, характер «зачисток» в погранзонах от «инородных этнических элементов». В течение 1935-1938 гг. из погранзон по всему периметру сухопутной границы СССР были депортированы финны, поляки, курды, иранцы, корейцы и некоторые другие. Однако уже в первой половине 1940-х гг. этнические чистки вышли за рамки «зачисток в погранзонах» и распространились на регионы, которые не являлись пограничными (Северный Кавказ, Калмыкия и др.).

В 1939-1941 гг. происходила депортация сотен тысяч поляков и польских граждан из бывшей «Восточной Польши» (Западная Украина и Западная Белоруссия). Большинство их попало на спецпоселение. Однако этот контингент спецпоселенцев под названием «польские осадники и беженцы» существовал относительно кратковременно, так как осенью 1941 г. они были освобождены из спецпоселения.

В 1940-1941 гг. из западных регионов СССР происходило также выселение «антисоветского элемента» (большинство их было депортировано в течение двух дней – 13-14 июня 1941 г.). Хотя национальный признак не обозначился, но на практике эти акции приняли характер частичных этнических чисток: большинство выселенных из

Литвы составляли литовцы, из Латвии - латыши, из Эстонии - эстонцы, из Молдавии - молдаване, а также украинцы и белорусы из западных областей Украины и Белоруссии. С 1944 г. практика депортации «антисоветского элемента» из западных регионов СССР была восстановлена в связи с начавшимся в указанном году выселением «оуновцев» из Западной Украины.

В 1941-1944 гг. была осуществлена депортация ряда народов - немцев, ингерманландцев, калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, турок-месхетинцев, хемшилов, крымских татар, а также крымских болгар и армян. В 1944 г. была в основном завершена начатая в 1937 г. депортация курдов. В 1942-1944 гг. была депортирована и значительная часть греческого населения. Это сопровождалось ликвидацией автономии у тех народов, у которых она существовала до выселения. Рассредоточенная система расселения депортированных народов в местах высылки делала совершенно неосуществимой идею их национально-государственной автономии в любой форме. Реально в перспективе можно было вести речь о культурной автономии (да и это было весьма проблематично). Более того, эта система расселения явно была направлена то, чтобы выселенные народы побыстрее ассимилировались в более крупных этнических массивах (русском, казахском, узбекском и др.). Иными словами, депортированные народы были определены на роль субстратных включений в другие этнические массивы, вследствие чего в перспективе они должны были исчезнуть с этнической карты мира.

Уже первые месяцы жизни выселенных народов в местах высылки показывали, что у них повторяется та же ситуация, которая имела место у раскулаченных крестьян на спецпоселении в 1930-1933 гг., а именно: гигантское отрицательное сальдо между рождаемостью и смертностью. Затягивание такой ситуации во времени было чревато нанесением серьезного удара по их биологическому потенциалу.

За период 1935-1945 гг. в составе депортированных произошли коренные структурные изменения. Если в начале 1935 г. у спецпереселенцев (трудпоселенцев) и ссыльных отсутствовала такая категория, как депортированные народы, то в 1945 г. последних среди почти 2,5 млн. спецпереселенцев, ссыльнопоселенцев и административно высланных насчитывалось примерно 1,8 млн., или более 70% (и это без учета тех категорий выселенных, которые можно квалифицировать как частичные этнические чистки). Было бы заблуждением объяснять депортации народов как, якобы, следствие «обстоятельств военного времени». Дело обстоит как раз наоборот: обстоятельства

военного времени были использованы сталинским руководством для проведения определенной политики в национальном вопросе. И для такого вывода имеются веские основания. Так, в докладе на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г. Н.С. Хрущев, касаясь вопроса о выселении ряда народов, сказал, что это «никак не диктовалось военными соображениями»⁶⁵.

Общее число депортированных в 1935-1945 гг., подавляющее большинство которых составляли жертвы тотальных и частичных этнических чисток, мы определяем величиной порядка 2,8 млн. человек.

В рассматриваемый период имел место и обратный поток - процесс освобождения из спецпоселения, касавшийся в основном трудпоселенцев (спецпереселенцев контингента «бывшие кулаки»), но он по своим масштабам не шел ни в какое сравнение с масштабами направления на спецпоселение «наказанных народов» и других. «Кулацкая составляющая» спецпоселенчества уступила свои лидирующие позиции ее «национальной составляющей». Однако, несмотря на кажущуюся массовость освобождения спецпереселенцев контингента «бывшие кулаки», все-таки этот процесс был существенно ограничен, и освобожденные в общей массе населения «кулацкой ссылки» составляли меньшинство. За период с 1 января 1941 г. по 1 апреля 1945 г. ее население сократилось с 930221 до 622 062 человек⁶⁶, т.е. на 33%. Это означало, что большинство людей, находившихся в «кулацкой ссылке» перед началом войны, продолжали в ней оставаться и к моменту ее окончания.

В третьей главе «Спецпоселенцы в послевоенное время (1946-1953)» исследуются история спецпоселенцев и эволюция спецпоселенческой системы после окончания второй мировой войны и вплоть до 1953 г.

За период 1946-1952 гг. новые поступления на спецпоселение составили порядка 700 тыс. человек, причем основной поток депортированных шел из западных регионов СССР (Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии). Выселялись в основном семьи участников и пособников националистического подполья, а также раскулаченные, т.е. национальный признак не был обозначен, однако резкое преобладание в их составе литовцев, латышей, эстонцев, украинцев, молдаван, белорусов заставляет говорить о том, что эти акции имели также и характер частичных этнических чисток. В 1949-1950 гг. была в основном завершена начатая в

⁶⁵ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 151-152.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 216» Д. 257. Л. 3.

предшествующие периоды депортация греков и иранцев. Самым последним этносом, подвергшимся в 1952 г. депортации, были ассирийцы (айсоры). После этого ни один народ СССР не подвергался масштабным насильственным выселениям.

В истории спецпоселенчества важную роль сыграл Указ от 26 ноября 1948 г., определивший выселенные во время войны народы на вечное поселение и установивший наказание за побег - 20 лет каторжных работ. В одночасье рухнули все надежды на возвращение в ближайшем будущем на историческую родину. Этим Указом сталинское руководство стремилось сделать результаты прежних депортаций необратимыми.

Правда, этот Указ касался не всех спецпоселенцев, и с конца 1948 г. установилось их деление на выселенных навечно (сюда в первую очередь входили депортированные народы и некоторые другие), выселенных без указания сроков (ряд относительно незначительных по численности контингентов, а также немцы подконтингентов «репатриированные», «местные» и «мобилизованные»), выселенных на сроки («власовцы» - 6 лет, по Указу от 2 июня 1948 г. - 8 лет и др.). Действие Указа от 26 ноября 1948 г. распространялось только на выселенных навечно и поэтому представители двух других категорий сохраняли надежду в перспективе освободиться из спецпоселения и распорядиться своей судьбой по собственному усмотрению. В начале 1953 г. деление спецпоселенцев на указанные три категории выглядело так: выселенные навечно - 76,2%, выселенные без указания сроков - 17,6%, выселенные на сроки - 6,2%.

В рамках послевоенного периода (1946-1952) происходило интенсивное освобождение спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки» (раскулаченных в 1930-1933 гг.). В большинстве регионов, где ранее находилась «кулацкая ссылка», она вообще прекратила существование, а в тех, где сохранялась, количество ее населения сильно сократилось.

На спецпоселении сложился национальный состав, совершенно не соответствующий пропорциям в национальном составе населения СССР. Это являлось следствием того, что спецпоселение превратилось в некое вместилище для жертв этнических чисток. Как известно, в составе населения СССР по численности на первом месте находились русские, на втором - украинцы, на третьем - белорусы. Однако (данные на начало 1953 г.) на спецпоселении они оказались национальными меньшинствами: русские - 3,1%, украинцы - 9,0%, белорусы - 0,4%, т.е. вместе взятые они составляли 12,5% - и это при наличии в составе украинцев значительных масс выселенных из Запад-

ной Украины. На спецпоселении доминировали национальности, которые, даже будучи вместе взятыми, занимали весьма незначительный удельный вес в составе населения СССР, а именно: немцы - 43,6%, чеченцы - 10,1%, татары - 6,1, литовцы - 4,1, калмыки - 2,9, ингуши - 2,6, греки - 2,4, карачаевцы - 2,1%.

В своем стремлении закрепить депортированных в местах высылки государство не ограничивалось репрессивными мерами. Существовал также и ряд поощрительных мер, призванных интегрировать этих людей в производственную и общественную жизнь тех регионов, куда они были выселены. С 1948 г. отмечаются (ранее совершенно немыслимые) факты присуждения спецпоселенцам званий Героя Социалистического Труда; некоторые спецпоселенцы становятся лауреатами Сталинской премии.

В закономерностях развития спецпоселенческой системы было много общего с тенденциями развития лагерной ГУЛАГовской системы. В частности, эти системы имели тенденцию к расширению в географическом плане. Так, в 1939 г. еще можно было назвать безлагерной зоной территорию к югу от Московской области и к западу от Волги, а в 1952 г. лагеря ГУЛАГа уже были в Ставропольском и Краснодарском краях, Ростовской и ряде других областей европейской России, включая Крымскую и Калининградскую области. В начале 1952 г. распределение лагерных заключенных по союзным республикам выглядело следующим образом: Россия - 92,5%, Казахстан - свыше 6%, Таджикистан, Киргизия, Туркмения, Узбекистан, Украина и Карело-Финская ССР, вместе взятые, - менее 1,5%. Безлагерными тогда, в 1952 г., были девять союзных республик - Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан и Туркмения.

География спецпоселенчества была во многом схожа с географией лагерной системы, но имелись и отличия. Если в Казахстане лагерными были две области (Карагандинская и Павлодарская), то спецпоселенческими - все области республики. В Узбекистане и Киргизии тоже все области являлись спецпоселенческими. На Украине ситуация была иная: там спецпоселенческими являлись только две области - Днепропетровская и Херсонская. В Российской Федерации спецпоселенческая система, как и лагерная, сформировалась в основном на европейском Севере, Урале, Дальнем Востоке и в Сибири и также характеризовалась тенденцией к распространению на юг и запад по европейской части. В результате во второй половине 40-х - начале 50-х гг. в спецпоселенческие превратились Московская, Тульская, Рязанская, Ростовская и др. области. В начале 1953 г. в России

находилось примерно 50% общего числа спецпоселенцев, в Казахстане - почти 36%, Узбекистане - почти 7%, Киргизии - более 5%; около 2% от общего числа спецпоселенцев приходилось на Таджикистан, Туркмению, Украину и Карело-Финскую ССР, вместе взятые. Неспецпоселенческими были восемь союзных республик - Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Молдавия, Грузия, Армения и Азербайджан.

Помимо новых поступлений, важным источником роста численности спецпоселенческого населения в 1949-1953 гг., в условиях все возраставшего положительного сальдо между рождаемостью и смертностью, стали дети, родившиеся на спецпоселении. В результате в 1952-1953 гг. численность спецпоселенцев приблизилась к 2,8 млн., т.е. к самой максимальной величине, когда-либо имевшей место в истории спецпоселенчества.

В первые годы жизни на спецпоселении у выселенных народов наблюдалось значительное превышение смертности над рождаемостью (повторялась та же самая картина, что имела место в «кулацкой ссылке» в 1930-1933 гг.), и вплоть до 1948 г. их численность неуклонно уменьшалась. Начиная с 1949 г. рождаемость стала выше смертности, и период 1949-1953 гг. характеризовался постепенным восстановлением первоначальной (на момент проведения депортации) численности этих народов. Однако к 1953 г. этот процесс еще не был завершен, и они уступали своей численности на момент депортации, как правило, на 10-15%.

На рубеже 1952/53 гг. спецпоселенческая система достигла апогея в своем развитии. Однако за фасадом этого социально-демографического монстра отчетливо просматривались контуры его исторической бесперспективности. Эта система могла существовать только в условиях достаточно жесткого политического режима, при применении к находящимся на спецпоселении людям методов утраты. Но так не могло продолжаться достаточно долго, и последовавшая после смерти И.В. Сталина политическая оттепель, помимо всего прочего, оказалась «губительна» и для спецпоселенческой системы, о чем речь в следующей главе.

В главе четвертой «Освобождение (1954-1960)» показан процесс массового освобождения спецпоселенцев и свертывания спецпоселенческой системы.

Только за период с 1 июля 1954 по 1 июля 1957 г. было освобождено почти 2,6 млн. спецпоселенцев и ссыльнопоселенцев⁶⁷. Процесс освобождения продолжался и в дальнейшем. За пять лет (с 1

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 900. Л. 141; Д. 949. Л. 139-141.

января 1954 по 1 января 1959) численность состоявших на учете спецпоселенцев уменьшилась с 2760420 до 49416 человек⁶⁸, или почти в 56 раз! К середине 1960 г. их число сократилось до примерно 10 тыс. человек.

Последние спецпоселенцы были освобождены в октябре 1965 г., и именно тогда спецпоселенческая система окончательно прекратила свое существование.

В процессе ликвидации спецпоселенчества в 1953-1965 гг. автор вычленил пять этапов:

Первый этап (1953 - середина 1954 г.) характеризовался эволюцией ментальное™ высшего политического руководства страны в этом вопросе, что в конечном счете подвело к идее коренного изменения соответствующей политики.

Второй этап (середина 1954 - конец 1956 г.) - освобождение подавляющего большинства спецпоселенцев, но без права возвращения в места, откуда они были выселены. Фактически это означало, что бывшие спецпоселенцы превратились в административно высланных.

Третий этап (1957-1958) - разрешение вернуться на историческую родину части бывших спецпоселенцев, с восстановлением автономии у тех из них, у кого она была до депортации (калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы). Однако для значительной части бывших спецпоселенцев статус административно высланных был сохранен (немцы, крымские татары, турки-месхетинцы и др.). В этом же статусе продолжали оставаться корейцы, ингерманландцы и др.

Четвертый этап (1959-1960) - в соответствии с новыми Основами уголовного законодательства СССР завершение освобождения лиц, не имевших конкретной вины, а выселенных в свое время на спецпоселение по фактам семейных связей со всякими «антисоветскими элементами», из-за своего социального происхождения и т.д. На спецпоселении оставлены только те, кто, по мнению руководства СССР, имел в своем активе конкретные преступления, включая «контрреволюционную агитацию».

Пятый этап (1961-1965) - поэтапное освобождение из спецпоселения лиц, имевших в своем активе конкретные преступления, включая бывших руководителей и активных участников националистического подполья и вооруженных националистических бандформирований.

⁶⁸ Там же. Д. 848. Л. 121-124; Д. 976. Л. 192.

Каждая глава диссертации завершается выводами, в которых изложены сущностные характеристики и специфические особенности истории спецпоселенцев и развития спецпоселенческой системы на определенных исторических этапах ее существования.

В «**Заключении**» диссертации подведены итоги исследования, обобщены его результаты, а также сделана попытка определить направления и возможности дальнейшего изучения темы.

Мировая история знает немало примеров того, что ныне принято называть «депортациями» или, в смягченном варианте, «насильственными переселениями» или «принудительными миграциями». Достаточно напомнить о «переселении» негров-рабов из Африки в Южную и Северную Америку, о миллионах людей, угнанных на принудительные работы в фашистскую Германию из оккупированных ее стран, о кампании «Лицом к деревне» в маоистском Китае или же о тотальной депортации городского населения в полпотовской Кампучии.

В царской России тоже практиковались принудительные переселения. Особенно ярко это проявилось в годы первой мировой войны, когда с территории Украины, Белоруссии, Прибалтики были депортированы в центральные, северные и восточные районы империи сотни тысяч немцев, австрийцев, венгров, евреев, поляков, турок и др.

После 1917 г. стало ясно, что подобная «практика» не чужда и большевикам, о чем свидетельствовала, в частности, проведенная ими в 1919-1921 гг. депортация части казаков. Опыт первых лет «диктатуры пролетариата» показала, что выселение людей с конфискацией их собственности органически вписывается в теорию и практику «классовой борьбы» (в ее большевистском понимании и применении).

Тоталитарный режим, сложившийся в СССР при И.В. Сталине, серьезно «обогастил» указанный выше исторический опыт. В 30-х - начале 50-х гг. практика депортаций больших масс людей в СССР превратилась в обычное явление. Массовые выселения стали одним из важных компонентов решения многих задач политического, экономического, социального и межнационального характера. Депортации оправдывались «государственными интересами» и «интересами трудового народа». И.В. Сталин и его окружение, по-видимому, всерьез полагали, что осуществляют очень нужное и полезное для «государства и трудового народа» дело, занимаясь в широких масштабах насильственной переселенческой политикой.

Экспроприация и выселение части крестьян объяснялись стремлением освободить трудовое крестьянство от «эксплуаторов-кулаков». В официальных правительственных документах причины выселения народов в 1930-е - начале 1950-х гг. объясняются стремлением ослабить этническую напряженность в том или ином регионе страны, стабилизировать политическую обстановку, наказать за пособничество фашистам и выступления против Советской власти, ликвидировать бандитизм. В число главных непосредственных причин выселения народов входили: акт мести государства за предательство отдельных лиц и групп этих народов во время фашистской оккупации; депортация как превентивная мера - за возможное предательство, а по сути за принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведется или может вестись война. Массовое выселение юридически невиновных людей из Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии производилось с целью ослабления социальной базы буржуазно-националистического подполья. Всякого рода «государственными интересами» объяснялись и все другие депортации.

Это была спецколониализация, т.е. целенаправленная государственная политика освоения необжитых или малообжитых районов страны посредством насильственных переселений. В течение 30-х - начала 50-х гг. XX века насильственная отправка больших масс людей на спецпоселение служила одним из главных рычагов осуществления государственной политики выравнивания трудовых и демографических ресурсов между западными и восточными регионами СССР. Правда, в годы Великой Отечественной войны в восточные регионы прибыли миллионы эвакуированных, но после войны они в массе своей возвратились в западные регионы.

Напрашиваются еще некоторые аналогии с реалиями царской России. Советское спецпоселенчество явно имеет схожие черты с существовавшим в Российской империи цензом оседлости для евреев. Это одна сторона медали. А, с другой стороны, известно, что в царской России одним из способов освоения Сибири было заселение ее каторжными и ссыльными. В условиях советской действительности, со скидкой на время и обстоятельства, данные факторы (ценз оседлости и указанный способ освоения новых земель) оказались тесно увязанными, взаимно интегрированными, а именно: миллионные массы депортированных направлялись на освоение необжитых или малообжитых земель с наложением на них ценза оседлости, иначе называемым спецпоселенческой системой.

И здесь возникает непростой вопрос: чему отдавать приоритет в факте рождения и существования советского спецпоселенчества - либо преемственности с царской Россией, либо советской специфике. Мы, безусловно, ставим во главу угла второй фактор (советскую специфику). Спецпоселенческая система в том виде, в каком она возникла и функционировала в СССР, не имеет аналогов в царской России. Это явление, несомненно, в своей основе специфически советское, на которое, впрочем, накладывались отдельные элементы преемственности с царской Россией в плане насильственных переселений и ограничений в свободе выбора места жительства.

По нашему убеждению, рождение системы, называемой спецпоселенческой, корнями уходит в принципы Октябрьской революции 1917 г. и является одним из направлений «революционного поиска» или «революционного творчества». Эта система зародилась и стремительно росла в условиях «форсированного строительства социализма» и служила местом ссылки и «перевоспитания» для многих из тех, кого политическое руководство и карательные органы рассматривали как мешающих или вредящих указанному строительству.

Безусловно, личная позиция И.В. Сталина в этом деле имела огромное значение. Многие указывают на то, что он рассматривал как положительный и удачный опыт по созданию в начале 1930-х гг. системы спецпоселений для высланных кулаков и в аналогичном русле решал проблемы депортированных народов и многих других.

Не случаен, видимо, тот факт, что время масштабного функционирования спецпоселенческой системы точь-в-точь укладывается в период, когда И.В. Сталин фактически обладал неограниченной властью (1930 - начало 1953 гг.), а после 1953 г. началось ее стремительное свертывание.

В то же время мы не склонны абсолютизировать личную позицию И.В. Сталина в этом вопросе. Мы полагаем, что он не рассматривал спецпоселенческую систему как нечто вечное, неизблемое. Напротив, в решении вопросов данной проблемы в действиях Сталина прослеживается определенная гибкость, включая и вопрос о массовом освобождении людей из спецпоселения по мере их «перевоспитания».

Это особенно ярко проявилось в судьбе такой формы спецпоселенчества, как «кулацкая ссылка», через которую в 30-40-х гг. прошло порядка 2,5 млн. человек, но в результате серии массовых освобождений в ней к началу 1953 г. оставалось менее 25 тыс. человек. Таким образом, некогда обширная «кулацкая ссылка» еще при жизни И.В. Сталина была близка к своему полному упразднению. В

этом вопросе И.В. Сталин и его окружение исходили из собственного постулата о «трудовом и политическом перевоспитании бывших эксплуататоров-кулаков», и многое указывает на то, что политическое руководство СССР рассматривало этот «перевоспитательный процесс» как достаточно успешный.

А теперь попробуем представить виртуальную ситуацию, что Сталин умер не в 1953 г., а прожил бы лет на десять подольше и скончался, скажем, в 1963 г. Что же в таком случае могло происходить со спецпоселенческой системой в 1953-1963 гг.? По нашему убеждению, процесс шел бы такой же, как и в случае с «кулацкой ссылкой», т.е. происходил бы процесс массового освобождения спецпоселенцев и свертывания спецпоселенческой системы, но, вероятно, в меньших масштабах и, скорей всего, без восстановления автономии калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев.

Хотя спецпоселенческий режим и не являлся непреодолимой преградой для побегов сотен тысяч людей, но в целом он был достаточно эффективен для того, чтобы удерживать основную массу депортированных в местах высылки. Крах в 1933 г. цыганского спецпоселения, когда все спецпереселенцы-цыгане сбежали, оставив пустующими отведенные для них спецпоселки, надо рассматривать как особый, исключительный случай, который нельзя распространять на все другие категории спецпоселенцев.

Все эти многочисленные депортации шли вразрез с буквой и духом таких международных документов, как Хартия Объединенных Наций, Устав ООН, Декларация прав человека, под которыми стояла подпись официальных представителей СССР, о причислении к преступлениям против человечества преследований по политическим, национальным, религиозным и иным мотивам. Высшее политическое руководство СССР все более трансформировалось в некоего «двуликого Януса», одной рукой подписывая на международной арене документы, запрещающие депортации народов и иные подобные акции, а другой - совершая прямо противоположное.

Всего за период 30-х - 50-х гг. XX века через все формы спецпоселения, ссылки и высылки прошли, по нашим оценкам, не менее 6 млн. человек. При транспортировке в места высылки и в период нахождения там умерли не менее 1,2 млн. человек.

В первые годы жизни на спецпоселении смертность, как правило, многократно превышала рождаемость, и только обычно через 5-6 лет (а иногда и позже) достигалось положительное сальдо между рождаемостью и смертностью: в «кулацкой ссылке» это произошло в 1935 г., у находившихся с 1941 г. на спецпоселении советских немцев

- в 1948 г., у депортированных в 1943-1944 гг. народов - в 1949 г. и т.д. В целом же можно констатировать, что все категории депортированных в экстремальной для себя ситуации продемонстрировали высокие адаптационные способности.

Тотальной этнической чистке, с лишением их родины, т.е. устоявшейся и привычной среды обитания, были подвергнуты немцы, финны, ингерманландцы, калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы, хемшилы. В 1944 г. была в основном завершена начатая в 1937 г. депортация курдов, а в 1950 г. - начатая в 1938 г. депортация иранцев. К депортированным народам относятся также греки, болгары и ассирийцы (они выселялись из региона Крым - Северный Кавказ - Закавказье, а это был основной ареал их расселения). Корейцы тоже входят в этот перечень.

Характер частичной этнической чистки приняла депортация части населения из западных регионов СССР. В данном случае национальный признак не был обозначен, и речь шла о выселении (независимо от национальности) всякого рода антисоветских и социально опасных элементов, включая раскулаченных крестьян. Однако на практике в подавляющем большинстве депортации были подвергнуты лица вполне определенных национальностей. Это - поляки, литовцы, латыши, эстонцы, молдаване, а также украинцы и белорусы из западных областей Украины и Белоруссии. Среди направленных на спецпоселение беженцев из оккупированной немецкими войсками Польши преобладали евреи.

В результате абсолютное большинство депортированных в период с середины 30-х до начала 50-х гг. составляли лица, являвшиеся на практике жертвами тотальных или частичных этнических чисток. Кроме них, депортации подвергались отдельные категории религиозных сектантов («истинно православные христиане», иеговисты), члены семей немецких пособников и др.

Во всей этой массе людей, подвергшихся насильственному переселению, исключительное место занимали «власовцы», для которых спецпоселение было, скорее, не наказанием, а местом спасения от более сурового наказания.

Спецпоселенцы внесли значительный вклад в развитие производительных сил северных и восточных регионов СССР. Однако экономический эффект от этого был весьма сомнительным по причине убыточности депортаций, так как расходы государства по переселению и устройству депортированных были весьма значительными. Под углом зрения экономической выгоды (или, вернее, невыгоды) все эти многочисленные насильственные переселения являлись делом

нерентабельным, затратным и служили одним из факторов, сдерживавших рост жизненного уровня всего советского народа. Однако при проведении депортаций преследовались в первую очередь *политические* цели, в подчиненном положении к которым находились экономические, демографические и другие задачи.

Наряду с направлением на спецпоселение время от времени происходили и освобождения оттуда. Однако в 30–40-х гг. потоки направляемых на спецпоселение были значительно выше встречных антипотоков. Поэтому численность спецпоселенцев неуклонно возрастала. В начале 50-х гг. число направленных на спецпоселение уже примерно равнялось количеству освобожденных оттуда (за 1950–1952 гг. на спецпоселение поступило около 100 тыс. человек и примерно столько же освобождено). Период 1954–1960 гг., когда происходило массовое освобождение спецпоселенцев, отнюдь не был отрицанием предшествующих периодов, а их логическим продолжением. Считалось, что люди в достаточной степени «обжились» и «перевоспитались» в местах высылки и дальнейшее применение к ним ограничений по спецпоселению «не вызывается необходимостью». Государство предпринимало все усилия к тому, чтобы депортированные «добровольно» остались жить в местах высылки и после их освобождения из спецпоселения.

В ходе массового освобождения из спецпоселения в середине и во второй половине 50-х гг. становилась очевидной утопичность всякого рода прожектов относительно того, что бывшие спецпоселенцы основательно обжились в местах высылки и никуда не уедут. Из числа освобожденных спецпоселенцев, получивших разрешение на выезд, только значительно меньшая их часть (как правило, в пределах от 10 до 20%) осталась проживать в местах бывшей высылки. Демографический эффект от прежних многочисленных депортаций на поверку к началу 1960-х гг. оказался крайне низким. Что касается немцев, крымских татар, турок-месхетинцев и некоторых других, которые в массе своей остались проживать в местах бывшей высылки, то они вынуждены были так поступить, поскольку им было запрещено возвращаться на свою родину.

Стремительное свертывание спецпоселенческой системы в 1954–1960 гг. заставляет говорить о ее глубоком *кризисе* в этот период. Во-первых, эта система лишилась внешних подпиток в лице новых депортаций (с 1953 г. они прекратились), а, во-вторых, в условиях политической оттепели было не так-то просто продолжать сохранять фактически полицейский режим применительно к миллионам людей. Мы уже не говорим о моральном аспекте этой проблемы, по-

скольку системы, подобно спецпоселенческой, вообще не должно существовать в более или менее цивилизованном обществе. Так что почти полное упразднение спецпоселенчества в конце 50-х - начале 60-х гг. означало, помимо всего прочего, приближение советского общества к определенным цивилизационным формам бытия, достигнутым прогрессивным человечеством к середине XX века.

Из анализа партийно-правительственных документов периода 1956-1957 гг. (особенно постановления Президиума ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г.) у нас сложилось впечатление, что проблема возвращения на родину выселенных народов с восстановлением их автономии решалась в рамках РСФСР, а не всего СССР. Историческая родина перечисленных в постановлении Президиума ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. народов (калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев) территориально находилась в пределах РСФСР. В связи с этим в той части указанного постановления, где говорилось о невозможности аналогичного решения проблемы крымских татар, первой причиной было названо то обстоятельство, что Крым в настоящее время (т.е. в 1956 г.) не является частью РСФСР, а входит в состав Украинской ССР⁶⁹. Далее назывались еще две причины невозможности возвращения крымских татар на их родину: районы Крыма, где они ранее проживали, в настоящее время заселены, а на территории РСФСР имеется татарская автономия в лице Татарской АССР, куда крымские татары по их желанию могут переселяться на постоянное жительство⁷⁰.

Опыт депортаций и спецпоселенчества, имевший место в СССР в 30-50-х гг. XX века, ни в коем случае не может служить объектом для подражания нынешнему и будущим поколениям россиян. По современному международному праву это входит в разряд гуманитарных преступлений, за которые Организация Объединенных Наций обязана накладывать санкции. Для России в таких случаях реально применение санкций в виде наложения эмбарго на поставки нефти и газа, что может вызвать в стране финансовую и экономическую катастрофу с непредсказуемыми социально-политическими последствиями.

Такова ожидает наш народ расплата за возможные рецидивы (мы, впрочем, уверены, что таких рецидивов не будет) депортационной и спецпоселенческой политики в настоящем и в будущем.

⁶⁹ Из анализа документов Секретариата и 4-го спецотдела МВД СССР за 1956-1957 гг. вытекает, что та же мотивация присутствовала и при отрицательном решении вопроса об обратном переселении турок-месхетинцев, так как родина последних находилась не в пределах РСФСР, а на территории другой союзной республики (Грузинской ССР).

⁷⁰ Реабилитация: как это было. Февраль 1956 - начало 80-х годов. М., 2003. С. 199-203.

Перспективы дальнейшего исследования. В отношении перспектив дальнейшего научного исследования проблем, затронутых в настоящей докторской диссертации, можно сказать следующее. Во-первых, тематику каждой из четырех глав настоящей работы можно сделать предметом отдельного диссертационного исследования. Во-вторых, то же самое можно сделать на материалах отдельных депортационных потоков, например: «Раскулаченные крестьяне на спецпоселении», «Калмыки на спецпоселении», «Ингуши на спецпоселении» и т.д. В-третьих, предметом самостоятельного диссертационного исследования может стать изучение истории спецпоселенцев и спецпоселенческой системы в региональном разрезе (к примеру: «Спецпоселенцы в Восточной Сибири» и т.п.). В-четвертых, заслуживают специального исследования такие проблемы, как роль спецпоселенцев в развитии производительных сил различных регионов и СССР в целом, их место в социально-демографических процессах в советском обществе. Темой самостоятельного диссертационного исследования может стать изучение последующей судьбы бывших спецпоселенцев в 60-80-е гг. XX века.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

1. *Земское В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. М.: Наука, 2003. 307 с. (21,8 п.л.).
2. *Земское В.Н.* Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. №39. (0,1 п.л.).
3. *Земское В.Н.* Численность и состав ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 39. (0,1 п.л.).
4. *Земское В.Н.* «Архипелаг ГУЛАГ»: глазами писателя и статистика // Аргументы и факты. 1989. № 45 (0,2 п.л.).
5. *Земское В.Н.* Спецпоселенцы: по документации НКВД-МВД СССР // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3-17 (1,5 п.л.).
6. *Земское В.Н.* Некоторые данные о спецпоселенцах - прибалтах // Радуга. Таллин, 1990. № 9. С. 56-62 (0,5 п.л.).
7. *Земское В.Н.* Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных. 1954-1960 гг. // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 5-26 (2,3 п.л.).
8. *Земское В.Н.* Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 74-75 (0,15 п.л.).

9. *Земское В.Н.* Спецпоселенцы // Социальная защита. 1991. № 2. С. 55-57 (0,2 п.л.).

10. *Земское В.Н.* Спецпоселенцы из Крыма // Проблемы истории Крыма: Тезисы докладов научной конференции (23-28 сентября 1991 г.) Вып. 2. Симферополь, 1991. С. 78-80 (0,1 п.л.).

11. *Земское В.Н.* Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: Статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5. С. 151-165 (1,7 п.л.).

12. *Земское В.Н.* ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10-27; № 7. С. 3-16 (3,0 п.л.).

13. *Земское В.Н.* «Кулацкая ссылка» в 1930-е гг. // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 3-21 (2,0 п.л.).

14. *Земское В.Н.* «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 3-26 (2,5 п.л.).

15. *Земское В.Н.* О подлинности статистической отчетности ГУЛАГа // Социологические исследования. 1992. № 6. С. 155-156 (0,2 п.л.).

16. *Земское В.Н.* Судьба «кулацкой ссылки» в послевоенное время // Социологические исследования. 1992. № 8. С. 18-37 (2,0 п.л.).

17. *Земское В.Н.* Спецпоселенцы из Крыма // Республика Крым. Симферополь, 1992. № 7. С. 3; № 8. С. 2; № 9. С. 3.; № 10. С. 2-3 (1,0 п.л.).

18. *Аралоев Н.А., Жиромская В.Б., Земское В.Н.* и др. Комментарии // Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М.: Наука, 1992. С. 245-251 (в соавторстве, авторский текст 0,1 п.л.).

19. *Getty J.A., Rittersporn G.T. and Zemskov V.N.* Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // The American Historical Review, 1993. Vol. 98. № 4. P. 1017-1049 (в соавторстве, авторский текст 0,9 п.л.).

20. *Getty J.A., Rittersporn G.T., Zemskov V.N.* Les victimes de la repression penale dans l'U.R.S.S. d'avant-guerre: Une premiere enquete a partir du temoignage des archives // Revue des etudes slaves. Paris, LXV/4, 1993. P. 631-670 (в соавторстве, авторский текст 0,9 п.л.).

21. *Земское В.Н.* Принудительные миграции из Прибалтики в 1940-1950-х годах // Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 4-19 (1,9 п.л.).

22. *Земское В.Н.* К вопросу о политических репрессиях в СССР (1917-1990 годы) // Изм. М., 1994. № 1. С. 37-48 (1,7 п.л.).

23. *Земское В.Н.* Судьба «кулацкой ссылки». 1930-1954 гг. // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118-147 (3,3 п.л.).

24. *Земское В.Н.* Политические репрессии в СССР. 1917-1990 гг. // Россия XXI. М., 1994. № 1-2. С. 107-124 (1,2 п.л.).

25. *Земское В.Н.* Спецпоселенцы. 1930-1959 гг. // Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. М: ИРИ РАН, 1994. С. 145-194 (2,8 п.л.).

26. *Земское В.Н.* Спецпоселенцы из Крыма. 1944-1956 гг. // Крымский музей, 1994, № 1. Симферополь: «Таврия», 1995. С. 73-81 (0,6 п.л.).

27. *Zemskov V.N.* Die Repatriierung sowjetischer Staatsbürger und ihr weiteres Schicksal (1944-1956) // Haus der Geschichte: Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Dusseldorf: Droste Verlag, 1995. S. 157-162 (0,4 п.л.).

28. *Земское В.Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба. 1944-1956 гг. // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 3-13; № 6. С. 3-13 (2,2 п.л.).

29. *Земское В.Н.* К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 118-127 (1,0 п.л.).

30. *Земское В.Н.* Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных. 1930-е - 1950-е годы // Население России в XX веке: Научная конференция в ознаменование десятилетия Центра демографии и экологии человека. Москва, 21-22 декабря 1998 года. Тезисы докладов. М.: ИНПРАН, 1998. С. 39-41 (0,15 п.л.).

31. *Земское В.Н.* Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных. 1930-е - 1950-е годы // Мир России. Т. VIII. Социология. Этнология. 1999. № 4. С. 114-124 (0,9 п.л.).

32. *Земское В.Н.* «Кулацкая ссылка» в 1930-е годы: численность, состав, расселение // Население России в XX веке. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2000. С. 277-310 (2,5 п.л.).

33. *Земское В.Н.* Советские перемещенные лица. Репатрианты // Население России в XX веке. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2001. С. 145-164 (1,5 п.л.).

34. *Земское В.Н.* Депортации населения. Спецпоселенцы и ссыльные. Заключенные // Население России в XX веке. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2001. С. 166-196 (2,3 п.л.).

35. *Земское В.Н.* Судьба «кулацкой ссылки». 1930-1954 гг. // Население России в XX веке. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2001. С. 291-311 (1,5 п.л.).

36. *Земское В.Н.* Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество. 1941-1945. Кн. 2. М.: Наука, 2004. С. 331-358 (2,0 п.л.).

Подписано в печать 2.12.2004

Тираж 100 экз.

Формат 60x84/16

Заказ № 37

Издательский центр Института российской истории РАН

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

2504

22 MAR 2005